

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ПОД МАСКОЙ
ХЕППИ-ЭНДА

ХЕППИ-ЭНД БЫВАЕТ ТОЛЬКО У ИСТОРИЙ, РАССКАЗАННЫХ НЕ ДО КОНЦА...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Под маской хеппи-энда

«ЭКСМО»

2008

Леонтьев А. В.

Под маской хеппи-энда / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2008

Кэтрин и Том Форрест познакомились в университете и заключили шуточное пари: она через пять лет станет его женой, а он через двадцать – президентом Америки. Кто мог предполагать, что пройдет время и настанет миг, когда Кэтрин, которую давно перестала устраивать роль второго плана, пожелает смерти своему мужу, президенту США Тому Форресту... Авантюристка русского происхождения Таня Ларин пробралась в дом известного журналиста Филиппа Карлайла, собираясь облегчить его сейф от драгоценностей. Но ей перешли дорогу странные личности в черном, искавшие в особняке Карлайла какие-то бумаги. Тане еле удалось спастись, но она знала: рано или поздно те люди найдут ее и избавятся от свидетельницы. Поэтому она должна опередить их! И Таня хитростью заполучила секретные документы. Прочитав их, девушка поняла, что к ней в руки попала настоящая бомба: страшная правда о Кэтрин Форрест, первой женщине – президенте США...

© Леонтьев А. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

* * *	6
За неделю до этого	8
Таня	8
Бэзил	24
Таня	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Антон Леонтьев

Под маской хеппи-энда

*Я люблю его за то, что он всегда может заставить меня
рассмеяться.*

Хиллари Родэм Клинтон о Билле Клинтоне

Я люблю ее за то, что она никогда не смиряется с поражениями.
Билл Клинтон о Хиллари Родэм Клинтон

Большой выдумщице и креативной душе, дорогой тете Тане, чьи «страшные истории» стали прологом к моему литературному творчеству, с благодарностью и любовью посвящается

* * *

– *Мадам президент, до прямого эфира осталась минута!* – сказал один из телевизионщиков.

Кэтрин Кросби Форрест, первая женщина-президент за всю историю США, сидевшая за столом в Овальном кабинете, посмотрела в камеру, что стояла напротив нее. Всего лишь шестьдесят секунд, и начнется прямой эфир из Белого дома. Прямой эфир, во время которого она объявит, что уходит в отставку. Часы показывали два сорок пять ночи.

Около Кэтрин возникла дама-стилист, которая в последний раз поправила ей прическу, провела по лицу пуховкой, стряхнула невидимую пыль с темно-красного брючного костюма, в который была облачена президент Соединенных Штатов.

– *Благодарю вас,* – сухо произнесла Кэтрин тоном, который давно стал ее фирменным знаком, и дама ретировалась.

Кэтрин посмотрела на суетившихся телевизионщиков – за время ее президентства ей четыре раза приходилось выступать в прямом эфире, обращаясь к стране и миру. Однако не думала она, что настанет момент, когда ей придется глубокой ночью сообщать Америке о своей добровольной отставке.

Еще бы, ведь если она не уйдет в отставку по собственной воле, то ей грозит процедура импичмента, так же, как и ее покойному мужу, президенту Тому Форресту. Его обвиняли в даче ложных показаний под присягой, сокрытии истины и принуждении к тому же сотрудников Белого дома. Том пытался спасти собственную репутацию и утаить от нее, тогдашней первой леди, страшную правду – он занимался сексом с практиканткой, причем не где-нибудь, а именно здесь, в Овальном кабинете (получившем после этого ироническое прозвище Оральный кабинет).

– *Мадам президент, двадцать секунд до эфира!* – предупредили Кэтрин, и мадам президент взглянула на экран телесуфлера, установленный около камеры. Именно там и появится текст, который ей предстоит считать, – текст, ею же и одобренный. Последний текст, который она произнесет в роли президента США.

А что будет дальше? Ведь ее обвиняют в ужасных преступлениях. Новый хозяин Белого дома, вице-президент Джефффри Гриффит, который через четверть часа будет приведен к присяге и станет первым чернокожим президентом США, не предоставит ей иммунитета по уголовным делам – значит, ее ждет судебное разбирательство...

Кэтрин посмотрела на своих бывших соратников и помощников, толпившихся в дверях. Министр юстиции, министр национальной безопасности, лидер сенатского большинства, советник по национальной безопасности, госсекретарь, министр юстиции, вице-президент.

– *Пять, четыре, три, два, один...* – считал вслух бородач в гавайской рубашке навьпуск, разгибая пальцы.

Он кивнул, и мадам президент, увидев красную лампочку, загоревшуюся на камере, поняла, что прямой эфир начался. Несмотря на поздний час, наверняка десятки миллионов американцев смотрят ее выступление, ведь в последние дни все ждали одного – ее неминуемой отставки.

Президент США Кэтрин Кросби Форрест произнесла:

– *Дорогие сограждане, неотложные обстоятельства вынудили меня обратиться к вам, чтобы внести ясность в сложившуюся нелегкую политическую ситуацию...*

Кэтрин заметила ухмылки на лицах некоторых из ее бывших приверженцев. Да, кое-кто с нетерпением ждет ее отставки, они знают, что другого выхода у нее не остается – ведь речь идет о престиже страны и интернациональной репутации.

– В силу обстоятельств я приняла нелегкое решение – сложить с себя добровольно и досрочно полномочия президента Соединенных Штатов, – стальным голосом, глядя в камеру, продолжала Кэтрин. Она подняла несколько листов бумаги и сказала: – Вы видите декрет о моей отставке. Мне остается подписать его, и я перестану быть президентом.

Кэтрин понимала, что не только десятки миллионов американцев прилипли сейчас к экранам, но и все, кто находится в Овальном кабинете, затаили дыхание. Кэтрин не торопясь взяла чернильную ручку с золотым пером, медленно открыла колпачок, еще раз пробежала глазами текст декрета, а затем, в прямом эфире, поставила под ним свою подпись...

За неделю до этого

Таня

Темный особняк в Александрии, штат Вирджиния, походил на старинный испанский галеон на дне океана – такой же неприступный и вызывающий трепет. Сравнение с древним кораблем было подходящим: как и в затонувшем галеоне, в особняке находилась чертова уйма сокровищ, и, чтобы завладеть ими, я и пожаловала на Восточное побережье.

Работать в столице и ее окрестностях мне уже доводилось, причем не раз, однако я не любила идти на дело в Вашингтоне: здесь обитают «шишки» или те, кто мнит себя таковыми, а это значило: у каждого из тех, к кому я навещалась, имелись влиятельные друзья в полиции, Министерстве юстиции или ФБР, и всякий раз, когда хозяин или хозяйка обнаруживали пропажу своих любимых драгоценностей или раритетных картин, поднимался вселенский хай.

Но, с другой стороны, игра стоила свеч: в Вашингтоне и округе всегда можно пожить кое-чем стоящим. А если повезет, то и без большого скандала обойдется – некоторые из людейшек, проживающих в особняках, походящих на затонувшие галеоны, преступают закон, чтобы набить свои сейфы, и после потери их содержимого далеко не всегда сообщают об этом в полицию. Главное в моей профессии – верно выбрать жертву!

Я затормозила, спрыгнула с сиденья и прислонила свой спортивный велосипед к стволу мощного вяза. Я уже давно взяла за привычку прибывать на место преступления не на автомобиле, а именно на нем – привлекает меньше внимания, к тому же никто и представить себе не в состоянии, что в заплечном мешке велосипедистки может находиться многомиллионное сокровище.

Июльская ночь выдалась на редкость прохладной – что ж вы хотите, все-таки Восточное побережье. Хотя всего неделю назад Вашингтон и окрестности походили на раскаленное пекло, столбик термометра зашкаливало, и все только и говорили о том, что аномальная жара – прямое следствие изменения климата. Еще год назад ни газеты, ни телевизионные программы не стали бы так громогласно заявлять об этом – еще бы, предыдущий президент (теперь безвылазно проживающий на своем техасском ранчо) открыто заявлял, что никакого изменения климата не существует, и высмеивал всех, кто пытался отстаивать другую точку зрения. Но времена изменились, его президентский срок закончился, и в Белый дом, впервые за всю историю Соединенных Штатов, въехала женщина – в роли полновластной хозяйки. Да, не скрою, я тоже голосовала за сенатора Кэтрин Кросби Форрест и льщу себя надеждой, что именно мой голос помог ей одержать нелегкую победу на первичных выборах над внутрипартийным конкурентом, чернокожим сенатором Джефффри Гриффитом, ставшим в итоге ее заместителем, а затем и над соперником-республиканцем и войти в историю США как первая женщина-президент.

Однако если я и думала о мадам президентше в тот беззвездный вечер (тучи закрыли звезды и луну, что было мне только на руку), то исключительно по той причине, что человек, в чей особняк я намеревалась навестись, написал книгу о ее покойном супруге, тоже бывшем американским президентом.

Вообще-то я всегда голосовала за демократов и вместе с другими недовольными политикой предыдущего президента, затворившегося теперь в Техасе, заявляла, что негоже нашей свободной стране позволять появление политических династий: сын стал президентом, как и отец. Но в этом-то и заключалась невозможность критики: нынешняя президентша пошла по стопам своего мужа и, сотворив невозможное, въехала снова в Белый дом, только уже на правах

не первой леди, а самой могущественной женщины в мире. Гораздо более могущественной, чем многие из могущественных мужчин...

Ах да, касательно президента Тома Форреста... Трагедия поистине шекспировского размаха! Кто бы мог подумать, что его президентство, в целом не столь уж и плохое, хоть и далеко не самое удачное, закончится таким вот образом – смертью от пули из пистолета сумасшедшего убийцы. Но гибель позволила ему в течение считанных часов из разряда лжецов и юбочников перейти в разряд героев – почти завидная судьба, если учесть, что президент Форрест все время подавал себя как нового Джона Кеннеди и любил упоминать о том, что в возрасте шестнадцати лет удостоился чести быть принятым в числе прочих в Белом доме, где Кеннеди пожал ему руку. Что же, Форреста и Кеннеди объединяло не только стремление к тому, чтобы произвести переворот в международной политике, и даже не то, что они оба, мягко говоря, не были верны своим супругам, но и, увы, то, что и один, и другой стали жертвами убийц.

Вот именно об этом, об убийстве президента Тома Форреста, и написал книгу, ставшую международным бестселлером, тот человек, особняк которого я желала облегчить от излишнего количества драгоценностей и денег. Сей опус магнус под названием «Падение Камелота» (даже в самом названии прослеживается намек на Кеннеди) имеется в моей домашней библиотеке, и я уже прочитала его не менее пяти раз. Да, по всей видимости, автор прав, так оно и было: президента Форреста, как и президента Кеннеди, убил вовсе не умалишенный одиночка, а оба они стали жертвами разветвленного заговора, корни которого уходят в спецслужбы и реакционные круги.

Честно говоря, изучив книгу, я и обратила особое внимание на автора восьмисотстраничного труда. Впрочем, кто ж не знает Филиппа Карлайла! Он – самый известный журналист Америки и, что немаловажно для меня, без сомнения, самый богатый. О чем имелось упоминание на обложке – все свои миллионы он заработал честным путем, так что имел полное право громогласно заявлять об этом. Звезда Карлайла взошла еще во время Уотергейтского скандала, к обнародованию шокирующих подробностей которого он имел прямое отношение. И с тех пор пошло-поехало: его специализацией стало разоблачение небывалых тайн и страшных секретов. Он был автором еженедельной колонки в «Нью-Йорк таймс», а кроме того, с завидной регулярностью выкидывал на рынок одну за другой новую книгу-разоблачение, которая тотчас возглавляла списки бестселлеров, увеличивая и без того колоссальное состояние Карлайла. Последнее его произведение было посвящено шахер-махерам бывшего президента, начавшего войну в Ираке, причем вовсе не для установления демократического режима в Багдаде, как доказал Карлайл, а для того, чтобы помочь своим друзьям из неоконсервативных кругов прибрать к рукам контроль над тамошними нефтяными скважинами. Но лучшей книгой Карлайла я (как и почти все) считаю книгу «Падение Камелота», суммарный тираж которой по всему миру перевалил за сорок миллионов экземпляров.

Вот именно это – бешеные тиражи и, соответственно, наличие в особняке драгоценностей и денег – и привело меня к особняку мистера Филиппа Карлайла. Не стану скрывать: мне будет лестно совершить подобное ограбление – в конце концов, он один из тех людей, которыми я восхищаюсь. Я внимательно изучила информацию в Интернете касательно великого разоблачителя сильных мира сего, однако уделяла особое внимание не столько самому Карлайлу, сухопарому, жилистому старику с длинными седыми волосами, сколько его супруге, кажется, пятой по счету.

Она – мексиканка по происхождению и, помимо всего прочего, на тридцать четыре года моложе своего благоверного. Карлайл без ума от своей жены и заваливает ее побрякушками: он, мультимиллионер, может себе это позволить. Прочесывая Интернет, я наткнулась на интервью с супругой Карлайла (кажется, ее зовут Джинджер), в котором она рассказывала о своей коллекции драгоценностей и скрупулезно перечисляла все подарки богатого муженька. Я не меньше двух дюжин раз перечитала этот список, каждое слово в котором вызывало сладост-

ную истому в моей груди. Тогда я и решила, что не будет зазорным навеститься к Карлайлам и изъять упомянутые драгоценности. Ну, или хотя бы некоторую их часть.

Совесть меня мучить не будет, я ведь занимаюсь воровским промыслом уже давно, да и урона знаменитому инвентивному журналисту и его пятой жене я не нанесу – все побрякушки застрахованы, а престарелый супруг наверняка в течение полугода купит своей киске Джинджер новые цапки, еще краше прежних, – гонораров за его бестселлеры, думается, с лихвой хватит.

Три недели назад я уже побывала в особняке мистера Карлайла, только тогда он был расцвечен огнями и открыт для гостей. Разумеется, только для избранных, к числу которых я, конечно же, не принадлежала. Облаченная в форму официантки, я усердно трудилась, таская тяжелые подносы, а заодно запоминая планировку дома и вынюхивая важные для предстоящего ограбления детали. Официантов было много, я изменила внешность, и, когда полиция приступит к расследованию ограбления, которое я намереваюсь совершить сегодня ночью, никто не сможет выйти на меня через фирму, порекомендовавшую Карлайлу мое ничтожество в качестве официантки. Ведь рекомендовали не меня, а особу, документы которой я украла еще лет пять назад, так что здесь все чисто, комар носу не подточит.

Мистер Карлайл оказался игривым малым, даром что ему под семьдесят. Он похлопал меня по ягодицам, когда я проносила мимо него поднос, уставленный фужерами с шампанским, а потом, столкнувшись со мной в коридоре (я как раз внимательнейшим образом изучала систему сигнализации), приобнял меня и промурлыкал:

– Ну что, красотка, тебе у меня нравится?

Я понимала, чего он добивается, однако сексуальные утехы со знаменитым журналистом-писателем не входили в мои планы, поэтому дала старичку понять, что его внимание мне лестно, однако я не собираюсь становиться его любовницей. Карлайл оставил меня в покое, переключившись на другую официантку, и я смогла завершить инспекцию великолепного особняка.

В тот вечер я узнала все, что мне требуется, даже побывала в кабинете хозяина, где смогла в течение нескольких минут изучить сейф. Правда, потом в кабинете возник сам Карлайл вместе с рыжеволосой официанткой, и мне пришлось ретироваться на карачках. Но могла бы, собственно, и не прятаться, они меня все равно бы не заметили, поскольку были увлечены друг другом до чрезвычайности.

Оставалось только подождать, когда хозяева покинут особняк, и я знала, что рано или поздно этот момент наступит. Лето в Вашингтоне – пора затишья, политическая и финансовая элита уезжает на отдых куда-нибудь подальше. Филипп Карлайл сам сообщил в своей колонке (которую я каждый раз читаю с большим удовольствием), что уходит в отпуск на две недели и уезжает в Европу, где хочет собрать материал о госпоже президенте Кэтрин Кросби Форрест (та в свое время жила и училась во Франции и Германии).

Я думала, что Джинджер отправится в Старый Свет вместе с супругом, но ошиблась: она осталась в Штатах, но тоже покинула Вашингтон, направившись в Лос-Анджелес, где у Карлайлов имеется вилла. Без особых усилий мне удалось узнать, что ближайшие полторы недели особняк в Александрии будет стоять пустым, а значит, я спокойно смогу привести в исполнение свой план.

...Итак, прислонив велосипед к могучему стволу вяза, я вытащила из заплечного мешка крошечный прибор, похожий на бинокль, но являющийся прибором ночного видения, и закрепила его на голове. Изучив обстановку, я пришла к выводу, что особняк в самом деле необитаем и никого поблизости нет. Полиция совершает объезд каждый час – я видела автомобиль из зарослей, в которых притаилась на подъезде к особняку Филиппа Карлайла. Наверняка бы полицейские очень удивились, заметив одинокую фигуру на велосипеде, ведь обитатели этого

квартала разъезжают на европейских машинах ручной сборки, да и то по большей части возит их шофер.

В моем распоряжении пятьдесят две минуты – когда полицейский автомобиль в следующий раз появится около ворот особняка мистера Карлайла, я буду уже далеко. Вместе с драгоценностями милой Джинджер.

Я закрыла глаза, набрала в легкие воздуха и на мгновение представила, что нахожусь далеко отсюда, в поле, среди одуванчиков. Напряжение как рукой сняло, и я почувствовала, что готова отправиться на дело. Но какое-то странное предчувствие не давало мне покоя. Погруженный в темноту особняк выглядел не то чтобы зловеще, но как-то неприветливо. Можно, конечно, смеяться над подобными суевериями, но у меня имеются свои приметы. Кстати, говорят, регбисты или игроки в американский футбол тоже соблюдают массу примет, например, во время удачной серии игр надевают одни и те же носки или кладут под пятку серебряный доллар, чтобы не спугнуть удачу. Ну, носки я предпочитаю всегда чистые, и серебряный доллар в туфле только мешал бы ходьбе, однако у меня имеются собственные примочки. Сегодня на небе тучи, и я всегда считала пасмурную погоду благоприятным знаком, однако, с другой стороны, за завтраком я разбила тарелку, что, несомненно, плохо. Но самое важное – аура дома. А она казалась мне плохой. Даже очень плохой.

Не стоит смеяться над моими ощущениями и называть их нелепицей и чушью. Когда-то я тоже так думала, но один мудрый человек, выходец с Востока, научил меня вслушиваться в душу дома, куда ты собираешься забраться. Ведь любой особняк или квартира обладают характером и аурой – у одних она хорошая, а у других – дурная. В последнем случае это значит, что дом может помешать твоим замыслам – ты заблудишься, случайно приведешь в действие сигнализацию, или, еще хуже, дверь комнаты-сейфа вдруг захлопнется, и ты окажешься в мышеловке.

Что самое странное, когда я была первый раз в особняке, то не почувствовала этой враждебности, которой сейчас так и лучился похожий на затонувший испанский галеон дом журналиста Карлайла. Такая резкая перемена могла означать только одно – дом предупреждает меня: сегодня в нем что-то случится, и это что-то будет весьма неблагоприятным, а значит, я должна отказаться от своих планов.

Пара минут ушла на принятие решения. Возможно, как сказал бы мой сенсей, то, что я принимаю за враждебную ауру дома, в действительности является отражением моих собственных страхов. Не исключено, что из дома исходит злая энергия, оставшаяся после ссоры хозяйина с хозяйкой, или я ощутила сейчас реликтовое излучение прошлых десятилетий – особняк, как мне было известно, был построен в конце девятнадцатого века, сменил нескольких хозяев, а в сороковые годы здесь произошло кровавое убийство какой-то голливудской знаменитости, до сих пор так и не раскрытое. Любое зло можно перехитрить и нейтрализовать, и мне ли отказываться от подобной возможности!

Да, так и есть, успокаивала я себя, просто я почувствовала голоса прошлого. Однако с настоящим это никак не связано, и я могу наконец-то приступить к тому, ради чего прибыла сюда, – к ограблению.

Перебравшись через высоченный забор, я двинулась к особняку. Мистер Карлайл отличался некоторой самонадеянностью, поэтому камер слежения и датчиков перемещения у себя в особняке не установил, что было мне на руку – иначе бы пришлось потерять некоторое время на то, чтобы вывести их из строя.

Я оказалась перед массивной дверью из мореного дуба, но проникать через нее я и не собиралась. Вытащив из заплечного мешка свой верный арбалет, хорошенько прицелилась и спустила курок. Раздался свист, сопровождаемый шуршанием, затем легкий чпок – и к моим ногам упал конец веревки. Я дернула ее, удостоверившись, что наконецник плотно вошел в камень (дом-то построен из песчаника), и принялась карабкаться вверх.

Мистер Карлайл оберегал свое жилище, поэтому дверь, окна первого и второго этажей и три террасы находились под защитой сигнализации. Но никак он не предполагал, что я проникну в его жилище сверху!

Подошвы спортивных туфель бесшумно касались потемневших стен. Я ухватила рукой в перчатке за рельефный выступ крыши, потянулась – и вскрикнула, едва не выпустив веревку. Если бы это произошло, вернувшиеся через полторы недели хозяева обнаружили бы меня с разбитым черепом и переломанными костями у подножия своего жилища. Но реакция у меня отменная, поэтому я снова схватилась за выступ.

На меня глазела страшная черная морда – зубастая, с высунутым языком и поднятыми в угрожающем жесте когтистыми лапами. Страх, сковавший мое сердце, улетучился, уступив место нервной дрожи. Ну конечно, особняк построен в неоготическом стиле, поэтому на крыше и присутствуют все эти гарпии, химеры и горгульи. Надо же, ведь на какое-то мгновение я приняла каменного монстра за настоящего!

Оказавшись наверху, я потрепала чудище по загривку и снова ощутила странное беспокойство. Дом в очередной раз призывает меня уйти, и это был его знак! Но отступать было поздно, и я шагнула к овальному оконцу, что вело на чердак. Страх внезапно отступил, и я поняла: беспокоиться нет причин. Дому наверняка не нравится, что я вторглась на его территорию, притом с такими злодейскими планами, вот он и пытается изгнать меня. Ну что же, милый, придется потерпеть, я долго не задержусь. Только заберу драгоценности крошки Джинджер – и оставлю тебя в покое.

Оконце старинной работы в последние годы, а то и десятилетия не открывали, так что пришлось повозиться, но все необходимые инструменты были у меня в заплечном мешке. Наконец рама поддалась, я потянула ее на себя, и раздался протяжный скрип, больше похожий на стон или плач. Так и есть, чертов дом не хочет впускать меня! Дома, как и люди, обладают разными характерами, один холерик, а другой флегматик, третий ленивый увалень или капризная дамочка. Этот особняк, похоже, истеричное андрогинное создание, но что поделать...

Я скользнула в открытое оконце и, схватившись за балку, осторожно спустилась по ней с потолка. Пользоваться фонариком не стоило, его свет могут заметить снаружи, но мне свет и не требовался, ведь у меня имелся прибор ночного видения.

Чердак был завален старыми, пропахшими пылью вещами. Я направилась к двери. Чтобы вскрыть ее, мне потребовалось меньше двадцати секунд. Стандартный замок, богатому журналисту и писателю иметь такие в своем особняке стыдно. Но, как я убедилась, многие из толстосумов, к которым я навевалась, почему-то считают, что сам факт богатства делает их неприкосновенными. Что же, пора доказать мистеру Карлайлу обратное!

Я ступила на лестницу, спустилась вниз и очутилась в коридоре. Мне требовалось свернуть направо. Я скользнула по темному коридору, еще дважды свернула, миновала нечто белое в нише, оказавшееся мраморной статуей, и остановилась около кабинета литературной знаменитости.

Дверь, конечно же, не была заперта, это только облегчало мою задачу. Я взглянула на часы на левом запястье – у меня в запасе больше сорока пяти минут. Ну что же, начнем-с...

Сейф располагался за большим портретом, на котором был изображен хозяин (Филипп Карлайл сидел в роскошном кресле) вместе со своей пятой женой Джинджер (она в лимонно-желтом платье и с великолепными жемчугами вокруг тонкой шейки стояла подле супруга, держа его за морщинистую руку). Сейчас меня заинтересовали два вопроса: во-первых, заказывает ли Карлайл каждый раз, когда разводится с предыдущей женой и вновь сочетается браком, новый портрет, с очередной супругой, и, во-вторых, находятся ли жемчуга в данный момент в сейфе. С собой в Калифорнию она много не взяла, там у нее имелся еще один склад побрякушек, но самое ценное хранилось здесь, в Александрии.

Портрет, как я успела выяснить, работая официанткой на приеме, отодвигается посредством нажатия потайной кнопки, вмонтированной в левый нижний угол рамы семейного портрета. Всего одно легкое нажатие – и изображение отошло в сторону, открыв моему взору дверцу из бронированной стали. Сейф больше походил на солидных размеров холодильник, что позволяло предположить: мне придется попотеть, прежде чем в моем заплечном мешке окажется его содержимое.

Я принялась за работу. Конструкция сейфа была сложная, но тем не менее с ним можно будет справиться – все же я не какая-нибудь дилетантка! Первым делом отключив сигнализацию и разложив инструментарий на столе мистера Карлайла (на том самом столе, сидя за которым он создает свои бестселлеры), я начала трудиться. Хорошо, что хозяев нет дома, можно и пошуметь, не опасаясь, что это привлечет внимание.

Я так увлеклась, что, услышав голоса, вначале даже не сообразила, что они доносятся из коридора. Затем я подумала, что, наверное, явилась парочка разгневанных привидений (честное слово, во время своих вылазок мне приходилось сталкиваться с призраками, а однажды – с весьма нелюбезным домовым), и только потом сообразила, что все гораздо хуже – в доме, кроме меня, кто-то есть! От неожиданности я выпустила из руки особую стамеску, изготовленную по моим чертежам одним гениальным пропойцей из штата Висконсин, но, слава богу, звук от ее падения заглушил толстый ковер.

Я нырнула под стол и прислушалась, мельком подумав: не зря дом пытался предупредить меня, а я проигнорировала его знаки...

У меня имелось с собой оружие, отличный «смит энд вессон» тридцать восьмого калибра, но за всю свою преступную карьеру я еще не использовала его, хотя меня неоднократно заставляли на месте преступления – четыре раза хозяева, три раза любовницы хозяина, два раза любовники хозяйки и по одному разу любовник хозяина, старательная горничная и китайская болонка. Но тогда мне сказочно везло, и я улепетывала до того, как мне успевали продырявить череп или схватить, чтобы затем сдать на руки полиции. Так кто сказал, что сегодня все должно быть иначе? Только бы в кабинет не зашла наглая собаченция, иначе поднимет такой лай, что проблем не оберешься, с людьми все же как-то проще.

Затаившись под столом, я попыталась разобраться, кто и о чем говорит. Два голоса, мужские. Неужели повторится то, что произошло со мной в доме одного сенатора, известного своими архиконсервативными взглядами, когда на меня наткнулся его любовник? Занятно, что о попытке ограбления сенатор в полицию не сообщил. Еще бы, иначе бы ему пришлось объяснять, что он делал в своем загородном доме с чертовски привлекательным и, кажется, несовершеннолетним брюнетом в то время, как пожилая супруга сенатора, родившая ему семерых или восьмерых детей, считала, что ее муж находится на благотворительном вечере.

Хорош, оказывается, и мистер Филипп Карлайл! Даром что женат в пятый раз и пристаёт к официанткам во время приема в собственном особняке! Что ж, седина в бороду, бес в ребро...

Однако, прислушавшись, я пришла к выводу, что ни один из голосов не принадлежит знаменитому журналисту. Неужели полиция, увидев открытое окно, решила проверить, все ли в порядке? Чушь, его с земли ночью не видно. Да и до появления полицейского патруля еще по крайней мере двадцать минут.

Тогда кто? Вывод был малоутешительный – я столкнулась с коллегами по цеху. Проще говоря, с такими же, как и я сама, грабителями. О подобном мне приходилось только слышать. Ведь как велика вероятность того, что на один и тот же дом захотят совершить нападение в одну и ту же ночь не подозревающие друг о друге бандиты? Гм, если пораскинуть мозгами и учесть, что особняков, где можно отхватить большой куш, не так уж много, а число любителей легкой наживы в Америке растет не по дням, а по часам, то не такое это уж и невероятное явление – встреча с коллегами. Весь вопрос только в том, как мы разойдемся. Приличные люди, обнаружив, что явились вторыми, согласились бы уйти восвояси, малоприличные потребовали

бы половину добычи, а вот те, что относятся к разряду «шибанутых», могут пристрелить на месте. Да уж, перспектива не из блестящих. Как бы узнать, с кем я имею дело?

На всякий случай прижав к груди «смит энд vesson», я стала чутко вслушиваться, стараясь понять, что же происходит в коридоре. Странное дело, но в кабинет незваные гости пока заглядывать не собирались. Или они влезли в особняк наобум, не зная точно, где что хранится? В таком случае – плохи мои дела, ведь тогда высока вероятность того, что я и правда столкнулась с «шибанутыми» или, что еще хуже, с наркоманами. Такие могут и родную бабушку пришить, не моргнув глазом, не то что меня!

Наконец дверь кабинета распахнулась, я вцепилась в рукоятку пистолета, как будто она была волшебной палочкой, а я – Гарри Поттером, оказавшимся один на один с лордом Вольдемортом. Ах, если бы все было так просто, как в фильме! Раз-два – выскочить из засады, три-четыре – пальнуть для остротки, пять-шесть – обратить наглцов в бегство, семь-восемь – забрать добычу, девять-десять – смотать удочки. «Ан нет, не получится, родная моя! Как же мне тебя жаль, девочка!» – думала я о себе почему-то в третьем лице. Все, если выберусь из переделки живой и невредимой – уйду на пенсию. Хотя какая может быть пенсия в двадцать восемь лет? Ну ничего, на черный день у меня кое-что скоплено, и если жить скромно (даже и не очень скромно), то хватит на долгие-долгие годы... Нет, все же затея с пенсией – блажь: ведь я не по своей воле воровкой заделалась...

Более всего меня волновали инструменты, разложенные на столе мистера Карлайла. Мои конкуренты свет не включали – вероятно, как и я, опасались привлечь внимание полиции. Однако это вовсе не значит, что они не заметят посторонних предметов на столешнице, отошедшего в сторону портрета, сейфа, почти уже вскрытого...

Странное дело, но те, кто проник в особняк Филиппа Карлайла, всех перечисленных странностей так и не видели. Раздался приглушенный мужской голос:

– Где это может быть? В сейфе?

Я похолодела. Ну вот, моя песенка спета. Сейчас они подойдут к сейфу, обнаружат, что кто-то пытался его вскрыть, наткнутся на меня. Придется стрелять!

– Нет, при чем тут сейф! – ответил второй уже даже не шепотом, а нормальным голосом. Отлично, они не подозревают, что я нахожусь в кабинете.

– Он должен был получить его вчера или, самое позднее, сегодня. Ни Карлайла, ни его жены в доме нет, значит, никто еще ничего не видел. Только вот куда же запропастился-то?

Меня раздирало любопытство: что же незнакомцы ищут? Я-то думала, самое ценное из того, что имеется в особняке, спрятано в сейфе, но, оказывается, ошибалась. Наверное, ребята пришли сюда не за побрякушками, а за картинами, ведь мистер Карлайл большой любитель французских экспрессионистов. Или за каким-нибудь комодом или гобеленом времен Луи Пятнадцатого. И работают они не на себя, а по заказу какого-нибудь коллекционера. Ну что же, значит, публика приличная, если что – договоримся. Парни возьмут свой комодик, я же – цацки. И разойдемся с миром.

Я осторожно глянула в щель под столом – две пары ног в черных ботинках. В случае экстренной необходимости можно стрелять в лодыжку. И пусть их берет полиция, ребятки ни за что не докажут, что сейф пытались вскрыть не они.

– Вот, вот она! – раздался возбужденный голос первого: он перешел с шепота на крик.

Другой заметил с удовлетворением:

– Я же тебе сказал, что прислуга относит почту ему в кабинет. Куда же еще!

Шелест. Наконец снова голос:

– Точно, его! Да, его обратный адрес.

– Приведи все в порядок, и уходим. Больше нам здесь делать нечего.

Я чуть было не вздохнула от облегчения, услышав последние слова. И вдруг кабинет залил призрачный свет, который быстро пропал, а вслед за тем раздался знакомый стук – хлопнула дверца автомобиля. А сияние, как я сообразила, было светом фар.

– Кто это? – спросил внезапно осипшим голосом один из типов.

Да, чтобы узнать ответ на тот же вопрос, я бы не пожалела и пяти сотен! Твердил ведь мне дом – нечего сегодня лезть, а я не послушалась, поперлась... И что теперь, кого еще нелегкая принесла?

Судя по тому, что человек приехал на автомобиле, совершенно не таясь, ответ мог быть один – хозяин, мистер Филипп Карлайл. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, вспомнила я не совсем кстати еще одну поговорку с моей бывшей родины.

Мои коллеги по проникновению в чужое жилище несколько раз выругались, затем ретировались в смежную комнату – там, если не ошибаюсь, находилась библиотека. Я, воспользовавшись суматохой, стянула со стола свои инструменты и толкнула портрет, который с тихим щелчком встал на место, закрыв сейф. Об этом деле будут слагать легенды! Только интересно, суждено ли мне их услышать, а то ведь может статься, что меня сейчас изрешетят пулями. Возможен и иной вариант: легенды будут, и я их даже услышу, но отбывая пожизненное заключение в федеральной тюрьме. М-да, тоже не самый заманчивый вариант...

Через несколько минут, показавшихся мне дольше мезозойской эры, я услышала «Strangers in the Night» божественного Фрэнка Синатры и расслабилась – тот, кто приехал в дом, в кабинет заходить не собирался. Что делать? Ждать или уносить ноги? Судя по всему, я вполне могу спуститься вниз и беспрепятственно покинуть особняк через главный вход.

Дверь в кабинет вдруг приоткрылась, я увидела полоску желтого, как расплавленный янтарь, света. И услышала воркующий женский голосок:

– Милый, это я. Ты уже в пути? Ах, на подъезде? Отлично, я так истосковалась по тебе, милый! Уже напускаю ванну – для нас двоих!

Дама, которую я по голосу идентифицировала как Джинджер Карлайл, звонко рассмеялась. Поняла, пятая жена богача-писателя ожидает любовника.

Ну что же, все становится более или менее ясно: молодая супруга, утомленная обществом пожилого мужа, тайно вернулась в Вашингтон, чтобы встретиться со своим дружком, пользуясь тем, что муж находится в Европе. Да, история, скажем прямо, не совсем аппетитная, однако меня в первую очередь должно занимать другое – как побыстрее унести ноги, да так, чтобы никто не заметил моего присутствия. Все бы ничего, но те странные ребята, затаившиеся в библиотеке... Они решительно не давали мне покоя!

Ладно, подожду немного. В конце концов, когда появится любовник и Джинджер вместе с ним отправится в ванную, им обоим не будет дела до того, что происходит в кабинете, и тогда я сумею сделать ноги. Плохо только, что мне не удалось довести до завершения начатое, но ничего не поделаешь!

Ноги от неудобной позы начали неметь, и я попробовала растереть их. Когда же заявится хахаль миссис Карлайл, черт побери! Ведь сообщил, что находится на подъезде, а за прошедшее время можно уже раз десять облететь земной шар!

Наконец, к моей большой радости и неслыханному облегчению, вдалеке раздался знакомый шум – прибыл еще один автомобиль. Ну вот, еще несколько минут, и неверная жена вместе со своим бойфрендом, наверняка молодым и безмозглым красавцем, тренером по фитнесу или разносчиком пиццы, скроется в ванной комнате. И тогда мне удастся покинуть место невольного заточения. Причем сделать это следует как можно быстрее – сталкиваться с притаившимися в библиотеке конкурентами ой как не хотелось!

Слава богу, что все завершилось таким образом. Ну, или практически завершилось. Еще одно, последнее, мгновение, и летопись окончена моя, как говорил какой-то великий (или не очень?) русский поэт...

Мне стало жаль драгоценностей, оставшихся лежать в сейфе. Там ведь работы всего минут на пять или семь! Если бы не ребята в библиотеке, я бы непременно вскрыла жестянку, воспользовавшись тем, что Джинджер и ее дружок принимают водные процедуры – им бы точно было не до меня, да и ванная супруги мистера Карлайла находится в противоположном крыле дома. Но из-за тех двоих придется упустить такую знатную добычу. Впрочем, стоп! Они ведь тоже не рады тому, что их едва не застукали с поличным, посему попытаются ретироваться, как только представится подходящая возможность. Значит, я могу пропустить джентльменов вперед, а когда они скроются, быстренько вскрыть сейф, выгрести побрякушки и преспокойно удалиться через входную дверь. Кстати, напоследок можно сделать несколько фотографий Джинджер и ее любовника в ванной, а потом шантажировать неверную жену. Но я отмела эту мысль – в сейфе, по моим подсчетам, находилось драгоценностей не меньше чем на два миллиона, и, даже если учесть, что скупщики краденого дадут за них хотя бы пятую часть стоимости, я все равно не останусь внакладе. Руки у меня зачесались от предвкушения колоссального куша. Успокоенная, я зевнула, почесала лодыжку...

И в этот момент из коридора послышался подозрительный шум. Что, бойфренд уже прибыл и любовники затеяли сексуальную оргию прямо на ковре? Но почему у Джинджер такой пронзительный и к тому же явно оправдывающийся голосок?

Еще до того, как я успела найти ответ на свой вопрос, дверь кабинета распахнулась. Вспыхнул яркий свет – мне пришлось зажмуриться и в течение нескольких секунд внимать странной перепалке с закрытыми глазами.

– Фил, я тебя уверяю, ты ошибаешься! – тараторила Джинджер. – И вообще, что ты здесь делаешь? Ты же вроде бы уехал в Европу!

– То же самое я могу спросить у тебя, дорогая, – послышался глухой мужской голос. – Ты ведь должна быть на Западном побережье! Еще полчаса назад, когда я звонил тебе, ты сообщила мне, что находишься в нашем калифорнийском особняке и принимаешь ванну. Получается, ты меня обманула – вряд ли в течение тридцати минут ты смогла перебраться из Лос-Анджелеса в Александрию. Для этого тебе пришлось бы усестись верхом на межконтинентальную ракету с термоядерной боеголовкой. Видимо, именно во время этого сумасшедшего полета ты и потеряла большую часть своей одежды, дорогая!

Я поняла, что нагрязнул ревнивый муж, причем в самое неподходящее время. Итак, плакали мои драгоценности! Вернее, драгоценности Джинджер, которые я уже почитала практически своими. Я открыла глаза и снова осторожно заглянула в щель под столом. Видны только ноги – мужские, в коричневых ботинках, и изящные, голые, женские – судя по всему, миссис Карлайл была нагишом или облаченной во что-то эфемерное. Так что возмущение ее супруга можно понять.

– Фил, дурачок, я же готовила тебе сюрприз, – заявила хитрющая особа. – А ты что, следил за мной? Как ты мог, Фил?

– Не лги, дорогая! – услышала я разъяренный голос известного журналиста, и вслед за тем последовала звонкая оплеуха.

Интересно, кто кому закатил леща: обманутый муж неверной жене или неверная жена обманутому мужу? Ставлю десять против одного, что это Джинджер корчит из себя оскорбленную невинность и пытается спасти положение. А ведь ее любовник вот-вот появится в доме! И ей надо предупредить его. Но как?

– Ты смеешь упрекать меня во лжи? – произнесла дрожащим голосом Джинджер. – Фил, какой же ты монстр! Мне холодно, я хочу одеться...

– Никуда ты не пойдешь! – заявил журналист. – Ты что, принимаешь меня за идиота? Меня, самого известного журналиста Америки? Я вывел на чистую воду Никсона, Рейгана и Буша-младшего, неужели ты думаешь, что не справлюсь с тобой, дорогая? Да, я давно подо-

зревал, что ты мне изменяешь, а теперь у меня имеется неопровержимое доказательство. Значит, дорогая, после развода ты не получишь от меня ни цента.

– Фил, ты делаешь мне больно! – послышался испуганный голосок Джинджер.

И чего она так сдрейфила? Скорее всего настроение ей испортила перспектива остаться без своей законной доли после расторжения брака. Бедняжка не подозревает, что имею еще я, которая покушается на ее побрякушки. Вот уж что бы добило ее окончательно!

– А обо мне ты подумала? – прошипел самый известный журналист США. Судя по всему, он совершал над своей женой какие-то садистские действия – то ли выкручивал ей руку, то ли щипал за бок. – Мне ведь тоже больно, я ведь тоже человек, Джинджер, хотя многие в это не верят! Я знаю, что он здесь. Черный джип с правительственными номерами припаркован справа от ворот, под вязом. Неплохо придумано, но я его заметил!

Гм, я приехала на велосипеде, значит, черный джип принадлежит ребятам, схоронившимся в библиотеке. Получается, что они вовсе не такие простые, какими кажутся? ФБР, ЦРУ, Министерство национальной безопасности? Проникли сюда, чтобы выкрасть какой-нибудь компрометирующий материал, оказавшийся в руках Филиппа Карлайла? Господи, и во что я только ввязалась! Пропади они пропадом, все цацки Джинджер, я хочу домой! Да вот еще и по-маленькому совсем некстати приспичило... От страха, что ли?

– Фил, здесь никого нет! – ответила с большим облегчением Джинджер. – Можешь обыскать хоть весь дом от подвала до чердака – никого здесь нет! Но учти, я завтра же подам на развод и заберу у тебя все, что только можно забрать! Ну, давай, занимайся сыскной работой, которую ты обожаешь!

– А ты останешься здесь, дорогая, – заявил безапелляционно Карлайл. – Или думаешь, пока я буду осматривать кабинет, ты успеешь предупредить своего любовника, спрятавшегося, скажем, в ванной или спальне, и он сможет уйти? Так вот, сообщу тебе пренеприятное известие – войдя в дом, я сразу же заблокировал входную дверь и поставил ее на сигнализацию. Так что ты и твой дружок, приехавший на черном джипе, в ловушке! Отвечай, кто он – какой-нибудь идиот из Министерства иностранных дел? Тот самый, с которым ты флиртовала на приеме в испанском посольстве? Или «шишка» из спецслужб? Клянусь, он потеряет свое теплое местечко, я уж о том позабочусь!

Раздалась трель мобильного телефона. Завязалась короткая борьба, Карлайл воскликнул:

– Черт, повесили трубку! Но у тебя на дисплее высветилось V. На эту букву начинается имя или фамилия болвана? Он хочет тебя спросить, что ему делать?

Джинджер зарыдала. Я поняла, что Карлайл отобрал у жены мобильный телефон. Ну вот, против своей воли я угодила в эпицентр семейной драмы. Можно, конечно, предложить Карлайлу или его жене свои услуги в качестве непредвзятого свидетеля на бракоразводном процессе, но мне отчего-то не хотелось менять свой статус инкогнито на иной, свидетельский.

– Я так и знал, что он неподалеку! Говори, дрянь, где именно, и тогда, может быть, я над тобой сжалюсь! – проревел журналист. – Думала, что спровадила меня в Европу и можешь трахаться со своим любовником в нашей постели? А я на самом деле никуда не улетал, а следил за тобой!

Да, хорошо все-таки, что я свободна, как птица, хотя мне поступали предложения руки и сердца от трех мошенников, двух аферистов и по одному разу от маньяка-сатаниста, карточного шулера и мадам – владелицы подпольного публичного дома. Семейная жизнь, как я убедилась на примере своих родителей, до добра не доводит. И ситуация с Карлайлом и его женой тому только подтверждение.

– Даю тебе пять секунд, чтобы принести чистосердечное признание, – заявил Карлайл.

Самые разные мысли метались в моей голове. А писатель-то хоть и старше жены вдвое, но находится в отличной физической форме... Справиться с ним, даже если напасть со спины,

будет сложно... Придется уходить через чердак, так как он закрыл входную дверь и включил сигнализацию...

– Пять, четыре, три, два, один, ноль, – пробубнил обманутый муж. А затем снова повысил голос: – Ну все, мое терпение лопнуло, дорогая. Знаешь, что я сейчас сделаю? Отыщу этого ублюдка и пущу ему пулю в голову, а потом разделаюсь с тобой. Суд меня оправдает – скажу, что принял его за грабителя, а ты... Ладно, тебя, так и быть, убивать не буду, хватит и того, что ты останешься при разводе без цента и будешь влачить жалкое существование. Я уж постараюсь, чтобы от тебя все отвернулись! Не забывай, тебе тридцать пять, так что для содержанки ты уже старовата. Итак, хватит слов, и начнем методичный обыск! Где бы я на его месте спрятался? Ну, например, в библиотеке. Эй, трус, выходи с высоко поднятыми руками! У меня имеется пистолет!

И с этими словами он подошел к двери и распахнул ее. Я пригнула голову как можно ниже, буквально сжалась в комочек. Щелкнул выключатель, послышался торжествующий голос Карлайла:

– О, да их целых два! Ты, оказывается, не только шлюха, но и извращенка, дорогая Джиндж...

И тут грянул выстрел. Приглушенный, страшный. Наверняка пистолет с глушителем. Потом воцарилась недолгая неестественная тишина, которую прервал дикий крик Джинджер:

– Фил, Фил, что с тобой? Помогите!

Раздался еще один выстрел. Крик внезапно оборвался. Послышался звук падающего тела. Джинджер приземлилась на ковер, и ее лицо было повернуто в мою сторону. Я увидела крошечную дырку посередине лба, из которой вытекала кровь. На лице неверной жены застыло изумленное выражение. Она раскинула руки, и до наманикюренных пальцев ее левой ладони, лежавших на ворсистом персидском ковре (на двух пальцах посверкивали крупные бриллианты), было от стола, под которым я притаилась, вряд ли больше метра. Чуть повернувшись и стараясь не производить шума, я заметила еще одно тело – Филиппа Карлайла. Без сомнения, он, как и жена, был мертв. Черт, черт, черт, я стала свидетельницей двойного убийства! Эти ребята – настоящие чудовища, они меня не пощадят, если обнаружат!

– Что ты наделал, идиот? – раздался взволнованный голос. – Ты убил сначала старика, а потом бабу!

– Ты же сам видел, что у него пистолет, и он грозился перестрелять всех, кого застукнет в особняке, – ответил другой. – И он бы так сделал!

– Но что теперь делать? – спросил первый. – Такой скандал разразится!

– Никакого скандала не случится, – успокоил его напарник. – Баба ждала любовника, и он с минуты на минуту будет здесь. Если все по-умному обставить, для всех сложится следующая картина: Карлайл наткнулся на жену с любовником, пристрелил их, но и сам стал жертвой выстрела. Ну что, разве плохая версия? Главное, мы нашли то, ради чего были посланы сюда. Остальное – ерунда.

Да, у них стальные нервы, поняла я, едва не клацая от страха зубами. Два трупа за две секунды, и хоть бы хны (еще одно выражение, употребляемое на моей бывшей родине). А может стать и три трупа, тогда им и любовника кокать не надо – все будут думать, что Карлайла и его жену убил застигнутый на месте преступления взломщик.

Ребята, о чем-то тихо переговариваясь, вышли из кабинета. Я выждала от силы минуту, все думая о том, что около меня лежат два покойника. Затем выползла из своего убежища и некоторое время, усевшись на ковер, растирала онемевшие ноги. Итак, сейчас самое важное – действовать быстро и четко. Бегом на чердак, оттуда по стене вниз и со всех ног к ограде... Если мне повезет, убийцы даже не заметят, что я была в доме. А если нет...

Но на последнем я предпочла сейчас не заикливаться. Подошла к двери кабинета, выглянула в коридор и услышала голоса со стороны лестницы. Чуть приоткрыв дверь, протис-

нулась в шелку и, тихо ступая, двинулась в направлении чердака. Ну еще немного, еще... Они меня не заметили! Я перевела дух, завернув за угол. Мне сказочно повезло!

Я взлетела по лестнице, отворила дверь, прощмыгнула на чердак. Пока те парни возятся с сигнализацией, у меня будет масса времени, дабы спуститься вниз и дать деру. Я оказалась на крыше.

Голоса, доносившиеся снизу, меня насторожили. Осторожно глянув вниз, я увидела двух типов, разглядывавших веревку, по которой я вскарабкалась наверх. Ну да, конечно, им же наверняка известен код, поэтому они так быстро и вышли из дома.

– Черт, что это? – произнес один и задрал голову.

Надо же такому случиться, что мы встретились с ним взглядами. Рослый тип с квадратной физиономией отреагировал мгновенно – вскинул пистолет и дважды выстрелил. Я отпрянула, уворачиваясь от пуль, которые отбили нос химере и повредили лапу грифону.

– Там, наверху! – выкрикнул убийца. – Еще один свидетель!

Я ринулась к оконцу и через пару мгновений уже скатывалась кубарем по лестнице, что вела от чердака в северное крыло особняка. До меня донесся топот. Так и есть, один остался караулить меня внизу, другой ринулся в особняк. Но ребята не знают, что у меня тоже имеется оружие!

«Смит энд vesson» уже был у меня в руке. Я проскользнула в небольшую комнатку недалеко от лестницы и радостно потеряла руки. Там располагался электрический щит. Ну что ж, поиграем в прятки!

Секунду спустя особняк погрузился в темноту. Имея на голове прибор ночного видения, я ощутила себя «Хищником» из одноименного фильма. Пусть убийц и двое, но со мной им ни за что не справиться. Интересно, что же они такое похитили из особняка, ради чего им не жалко было убивать двух человек? Впрочем, какая мне разница!

Я выскользнула из комнатки и притаилась. Вот он, голубчик с пистолетом наперевес, поджидает меня у лестницы. Я схватила вазу, возвышавшуюся на постаменте, и швырнула ее в противоположную часть коридора. Заслышав шум, убийца дернулся и, следуя своим инстинктам, ринулся от лестницы вправо. Я же, двигаясь по-кошачьи, вынырнула слева и прыгнула вниз, прямо на один из пролетов лестницы. Киллер слишком поздно понял, что стал жертвой обманного маневра, но я была уже внизу.

Входная дверь открыта настежь. Недолго думая, я выстрелила в небольшой белый ящичек, в котором располагалась система управления сигнализацией, и тотчас, как по команде, раздался громогласный вой сирен. Так-то оно лучше! Полиция, совершающая объезд, услышит завывания и тотчас направится к особняку, так что у ребяток не будет времени для того, чтобы продолжить охоту на меня.

На пороге я натолкнулась на второго убийцу и ударила его по лицу своим увесистым заплечным мешком. Он повалился навзничь, при этом на щебенку из его рук вылетел большой пакет из картона. Судя по всему, именно за ним парни и охотились. Я подхватила мешок и пакет, бросилась прочь. Драгоценности мне не достались, так хотя бы смогу пожить чем-то другим. То, из-за чего погибли два человека, должно быть чрезвычайно ценным!

Предстояла самая сложная часть пути – по газону к ограде. Я была прекрасной мишенью для двух стрелков, но уповала на то, что они будут более озабочены своей судьбой, нежели преследованием: ведь вдалеке уже слышались трели полицейских автомобилей.

Но не тут-то было! Киллеры стреляли мне в спину, и только то, что я петляла, как заяц, спасло мне жизнь. Наконец я оказалась около забора, перекинула в мгновение ока свой мешок и пакет, оказавшийся весьма тяжелым, на другую сторону, вскарабкалась... И ощутила резкую боль в правом предплечье. Меня ранило!

Свалившись с забора около мешка, я попыталась подняться – мой взгляд автоматически упал на пакет, лежавший на земле, – и увидела, что передо мной находится кто-то. Неужели

один из киллеров так быстро оказался за пределами поместья Карлайлов? Нет, это полностью исключено!

Недолго думая, я схватила мешок и повторила незамысловатый фокус-покус – швырнула его в лицо ненужному свидетелю. Предплечье нестерпимо жгло, и я, преодолевая боль, все старалась сообразить, в какой стороне оставила свой велосипед, как вдруг увидела машину – дверца распахнута, мотор мерно работает. Я прыгнула за руль, захлопнула дверцу, увидев, как субъект, которого я угостила ударом мешка, пытается подняться. Черт побери, я забыла взять мешок с моим инструментарием и, хуже всего, с поддельными документами! Но ничего не поделаешь, вернуться я уже не могла – из ворот вылетел один из киллеров, а ведь у них имеется джип! Да и полицейские машины, что неслись с противоположного конца улицы, были недалеко. Я надавила на педаль газа – и только потом поняла, что забыла не только свои вещи, но и тот дурацкий пакет, из-за которого разгорелся весь сыр-бор (еще одно прелестное выражение, распространенное на родине моих предков). Вот голова садовая! Еще бы оставила визитную карточку с настоящим именем и адресом, а также с отпечатками пальцев и образцом ДНК. Впрочем, мое ДНК осталось на месте преступления – кровь из раны в предплечье. Авось полиция не заметит нескольких капель...

Промедление было смерти подобно, и, размышляя над тем, что все сложилось совсем не так, как мне представлялось, я отбыла восвояси. Думала, убийцы станут преследовать меня, но они исчезли в неизвестном направлении: наверняка затаились на одной из соседних улиц, боясь, что их погоня за мной привлечет внимание полиции.

* * *

Я добралась до respectable Джорджтауна, где находилась моя берлога. Перед тем как бросить автомобиль, я обшарила его, отыскала двадцать семь долларов мелкими купюрами в бардачке, мятные леденцы, очки, таблетки от запора, томик Шекспира («Антоний и Клеопатра» и «Ричард III») и связку ключей. На заднем сиденье обнаружилась элегантная плетеная корзинка с джентльменским набором: две бутылки французского шампанского, бутылка отличного красного вина, два багета, баночки с утиным паштетом и белужьей икрой, а также лосось и севрюга вкупе с горьким шоколадом, белым виноградом и персиками. От вида этого великолепия у меня заурчало в животе и даже боль в предплечье немного отступила.

Автомобиль был не самой последней модели, однако марка («Порше») свидетельствовала о том, что ее хозяин – человек не из отчаянно нуждающихся. Скорее всего, я столкнулась с пресловутым любовником Джинджер, опоздавшим на свидание, что и спасло ему жизнь. Получается, все, чем я завладела, это корзинка с провиантом, пусть и стоимостью в тысячу с лишним долларов? Ну что ж, лучше, чем ничего. Я подарила любовнику Джинджер свои инструменты, сделанные на заказ и обошедшиеся мне во много раз дороже, а он мне – продукты, которыми собирался потчевать подружку, лежащую сейчас с дыркой в черепе на ковре в кабинете супруга, также покойного.

«Порше» я предусмотрительно оставила в пяти кварталах от своей квартиры. Никто и не подумает, что угонщик живет в столь дорогом районе. Полиция решит, будто злоумышленник специально оставил автомобиль в Джорджтауне, желая сбить следствие с толку.

Попав домой, я первым делом спустила на всех окнах жалюзи и задернула шторы. Только потом, включив свет, внимательно изучила рану в предплечье. Хоть она болела зверски, но оказалась пустяковой царапиной. Пуля задела по касательной: много крови, но опасность минимальная. Обращаться в больницу нельзя – сразу сообщат полиции, поэтому я обработала рану перекисью водорода и спиртом в собственной ванной. Жгло немилосердно, но вскоре боль отступила. Я наскоро приняла душ, стараясь не замочить рану, а затем, изучив свой пустой холодильник, пришла к выводу, что стоит закупить запасами любовника Джинджер.

Наполнив желудок, я почувствовала, что меня тянет в сон. Еще бы, ведь я пережила такой стресс! Часы показывали половину четвертого. Впрочем, я «сова», так что всегда ложусь под утро. Этим отчасти и объясняется, что я выбрала профессию взломщицы и бандитки (хотя на самом деле все гораздо сложнее).

Я повалилась на постель и то ли от пережитого, то ли от французского шампанского и половины бутылки бордо почти мгновенно провалилась в сон. А когда продрала глаза, часы показывали без семи шесть вечера. Надо бы подниматься.

Я позвонила родителям (они живут в Нью-Йорке), сообщила, что у меня все в порядке, не упоминая, конечно, о том, что произошло сегодня ночью, и включила телевизор.

Исходила я из того, что кончина, причем насильственная, самого известного журналиста Америки и его жены станет темой номер один. И не ошиблась – почти по всем каналам талдычили об одном и том же: о происшествии в особняке Филиппа Карлайла. Я, доедая остатки лосося и черной икры вместе с виноградом, вполуха слушала стаккато диктора и вдруг, поперхнувшись, повернулась к телевизору лицом, потому что до меня донеслось следующее:

– Нет никаких сомнений в том, что в особняке разыгралась подлинная драма: знаменитый журналист и писатель Филипп Карлайл, известный разоблачительными книгами и репортажами, застрелил свою молодую супругу Джинджер, после чего покончил жизнь самоубийством.

Я переключила на другой канал, но и там вели речь... о причинах, которые могли сподвигнуть Карлайла на убийство жены и на самоубийство. Выдвигались версии, что все дело в ревности, и напоминалось: Карлайл был вдвое старше своей пятой супруги и отличался, по свидетельству множества друзей и знакомых, пожелавших остаться неназванными, болезненной ревностью.

Ну и ну! Карлайл покончил с собой, выстрелив себе в лоб из пистолета, оставшегося у одного из молодчиков, что прикатили на черном джипе? Нет, полиция никоим образом не могла прийти к выводу, что Джинджер убил ее супруг, а потом спокойно застрелился. Обо мне – неизвестном грабителе, пытавшемся вскрыть сейф в кабинете, – не было сказано ни слова. А ведь полиция должна была обнаружить следы неудавшегося взлома!

Спрашивается тогда: почему народу преподносят столь сказочную версию? Ответ очевиден: кто-то, причем весьма высокопоставленный, не хочет, чтобы правда о смерти Карлайла и его жены стала известна широкой общественности, по крайней мере, в ближайшее время. Это меня беспокоило больше всего: расследование поручат спецслужбам, а с учетом того, что на месте преступления остался мой заплечный мешок, полный инструментов, на которых имеются отпечатки моих пальцев, все может закончиться для меня трагически.

Пора, наверное, собираться в дорогу. Я давно думала о том, что в случае чего можно отсидеться в Мексике. Или, не утруждая себя далеким путешествием, перебраться в Канаду, до которой рукой подать. Там можно переждать тяжелые времена, а может, и снова приняться за посещение чужих домов во время отсутствия хозяев.

И все же меня грызло любопытство. Почему не сообщили правду о произошедшем на вилле Карлайла? Ведь он был убит, причем убили его типы, приехавшие на джипе с правительственными номерами. Может, в том-то все и дело? Не хотят выносить сор из избы (еще одна милая поговорка!) или... или по моему следу идут теперь спецслужбы? Причем их задача – не сдать меня на руки прокуратуре, а сделать из меня... макароны по-флотски. Ну, или биточки со сметаной, не все ли равно.

«Думай, детка, думай, Танюша!» – дала я сама себе наставление. Ясно одно – в случившемся замешаны властные структуры, а если это так, то мне крышка. У нас в Америке хоть и демократия, но в случае необходимости и в Гуантанамо сошлют без суда и следствия, и дырку в черепашке сделают во имя торжества справедливости и федерализма.

Но шила в мешке не утаишь – рано или поздно общественности все же станет известно, что произошло на вилле Карлайла в действительности. Кто-нибудь из многочисленных полицейских или судмедэкспертов проболтается, и тогда правда выйдет наружу. Или нет? Или к тому времени я буду мертва, а мой хладный труп покажут по телевизору и объявят на весь мир, что я и есть убийца Филиппа Карлайла и его жены? Вслед за этим у папочки случится инфаркт миокарда, а у мамочки геморрагический инсульт...

Брр, думать о подобном не хотелось, но в сложившейся ситуации ничего иного не оставалось. Итак, что мы имеем. Во-первых, чтобы замять столь шумное дело, даже на время, требуется необычайно большая власть и распоряжение с самого верха. Во-вторых: киллеры полезли в дом, в отличие от меня, не за побрякушками мадам Джинджер, а за пакетом, который я имела неосторожность оставить на земле около ограды. И третье: если бы я взяла послание с собой, то могла бы узнать, в чем же дело, но тогда, не исключено, момент моей кончины приблизился бы с неимоверной скоростью.

Имелись и прочие моменты, о которых мне не хотелось думать. Но почему я полагаю, что в убийцы захотят записать именно меня? Пусть сделают козлом отпущения того типа, что приехал к Джинджер с французским шампанским и персиками! Или... он уже мертв? Господи, гора трупов из-за какого-то пакета, в котором, судя по весу и форме, находились только документы. А что там, в тех документах, находится, я и знать не хочу! Пусть даже правда о зеленых человечках или тайных сексуальных пристрастиях нынешней президентши! Не хочу, и все!

Хотя, с другой стороны, обладание документами, ради которых были убиты два, а то и три человека, могло бы стать залогом моей безопасности. Я бы позвонила в ФБР или Белый дом и, накрыв трубку скомканным платком, сказала: «Если не хотите, чтобы я передала все компрометирующие материалы «Плейбою», оставьте меня в покое и заплатите десять миллионов!» Впрочем, с меня хватило бы и одного миллиона.

Конверт с бумагами, конверт с бумагами... И как только я упустила его из виду!

Какое-то смутное воспоминание шевельнулось у меня в голове. Да, я спикировала с забора, а там стоял субъект, оказавшийся впоследствии любовником Джинджер...

По телевизору уже демонстрировали выступление президентши Кэтрин Кросби Форрест с Южной лужайки Белого дома. Облаченная, как всегда, в отлично сшитый (и умело скрывающий недостатки ее фигуры) брючный костюм черного цвета, президентша со скорбной миной вещала о том, какую небывалую утрату понесла Америка и весь цивилизованный мир.

«Что же, если учесть, что Карлайл собирался писать разоблачительную книгу о тебе, то вряд ли твоя скорбь, Кэтти, безгранична, – с усмешкой подумала я. – А вот новая прическа тебе идет, да и придворный парикмахер выбрал отличный золотистый оттенок, чтобы закрасить седину: хоть тебе и под шестьдесят, ты больше похожа на симпатичную блондиночку лет сорока пяти. Скажу честно, под старость ты стала выглядеть намного лучше, чем в молодости. Уж не твои ли фотографии с грязными патлами, страшными очками в роговой оправе и выпирающими вперед кроличьими зубами находились в пакете? Хотя какая это тайна? Давным-давно опубликованы фото – ты, очень молодая и еще более страшная, вместе со своим красавцем-мужем, Томом Форрестом, который был в семидесятые и восьмидесятые годы губернатором штата Луизиана».

В моем мозгу опять мелькнула картинка: я прыгаю с забора, передо мной любовник Джинджер, а между нами конверт, и я смотрю на белую наклейку с именем отправителя... Что же там было написано? Кажется, в адресе значилась Флорида... Но имя, мне важно имя!

Тем временем президентша Кэтрин Кросби Форрест, завершив свое выступление, отвечала на вопросы журналистов. Камера пошла в сторону, показали типа, который задал глупый вопрос. И...

Он стоял в стороне, слева от прозрачной изящной трибуны, за которой находилась мадам президент. Я еще подумала, что он сейчас вытащит пистолет и откроет огонь. И как только

охрана Кэтти не видит, что на территорию Белого дома проник террорист-убийца! И только мгновением позже поняла, что субъект, чье лицо я видела с крыши особняка журналиста Филиппа Карлайла, им самим и убитого, сам является телохранителем. Не чьим-нибудь, а телохранителем самой президентши США!

Это был он, никаких сомнений: та же квадратная физиономия, та же легкая ухмылка, тот же безжалостный взгляд. Мадам президент поблагодарила всех и развернулась – телохранитель отрезал путь журналистам к «объекту», то есть к Кэтрин Кросби Форрест.

Свят-свят, ну и дела в датском королевстве! Убийца – телохранитель президентши! И спрашивается, не сама ли милая Кэтти отдала ему приказ добыть из дома Карлайла какие-то компрометирующие документы, которые он, вероятно, собирал для своего нового бестселлера, главной героиней которого должна была стать она, первая женщина-президент в истории США?

Прямая трансляция из Белого дома прекратилась, пошли новости о семнадцатилетнем болване из штата Миннесота, который в «живом журнале» в Интернете объявил, что намеревается вскоре перестрелять всех своих одноклассников и учителей, – великовозрастного увальня, чей вес зашкаливал за сотню килограммов (еще одна жертва фастфуда!), в наручниках выводили из родительского дома. Вот ведь идиот!

И тут имя всплыло само собой – прямо так загорелось алыми буквами в моем мозгу! – Тимоти С. Шмидт. Вот кто был отправителем странного письма. Тимоти С. Шмидт из Майами...

И если мне дорога собственная жизнь, то надо как можно быстрее разыскать его и узнать, что же такое суперсекретное он отправил журналисту Карлайлу, которого прикончил телохранитель мадам президентши.

Бэзил

– Мистер Бэскакоу, это все, что вы можете сообщить нам?

Мы находились в типичной комнатке для допросов – металлический стол, металлические стулья, большое зеркало на стене, за которым наверняка скрывались любопытные. Напротив меня сидели пять человек – два представителя Министерства юстиции, агент ФБР, Министерства национальной безопасности и лохотyped тип из Белого дома. Он-то и задал вопрос, исковеркав на американский лад мою русскую фамилию.

Я с полнейшим безразличием взглянул на него и промолчал. Субъект, помявшись, повторил вопрос, и мой адвокат почтительно произнес мне на ухо вполголоса:

– Бэзил, если вам что-то еще известно, то лучше сказать здесь и сейчас...

Мой адвокат, которого я знал больше двадцати лет, плохого посоветовать не мог. Еще бы, он, конечно, прав: мне следовало сказать все, что мне известно, в том числе и про тот несчастный мешок. Но я промолчал. Сделал вид, что мучительно размышляю, хотя размышлять было не над чем. Потом качнул головой и произнес:

– Нет, джентльмены, неприятно разочаровывать вас, но добавить к моему рассказу мне нечего.

Субъекты переглянулись, а я, поджав губы, откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Голову пронзала нестерпимая головная боль, как будто в черепную коробку кто-то вдалбливал один за другим раскаленные гвозди. Нет, это не было следствием волнения, переживаний или страха. Больше всего в тот момент мне хотелось одного – чтобы меня оставили в покое и позволили наконец-то умереть. Ведь на белом свете мне больше было нечего делать – Джи мертва...

– Мистер Бэскакоу, предупреждаю вас, что дача ложных показаний, под которую подпадает и утаивание релевантных для следствия сведений, карается по закону, – прервал поток моих мыслей голос одного из агентов ФБР.

Я лениво взглянул на него и с тонкой усмешкой заметил (а что мне еще оставалось, как не изображать хорошую мину при плохой игре):

– Но ведь следствие уже пришло к выводу, что мой старинный приятель Филипп Карлайл застрелил...

Тут я запнулся, хватая воздух губами. Пауза. Мгновение, полное отчаяния. И снова мой голос:

– Застрелил свою супругу, после чего покончил с собой. А если так, то у следствия не могут иметься ко мне претензии, не правда ли?

Представитель Министерства юстиции пододвинул ко мне прозрачную папку, в которой находился лист бумаги. Его схватил мой адвокат, внимательно прочитал и промолвил:

– Тем самым вы склоняете моего клиента к распространению фальшивой информации...

– Тем самым мы спасаем вашего клиента от пожизненного заключения, – жестко ответил тип из Министерства национальной безопасности. – Пусть он подпишет – и может быть свободен. А мы продолжим поиск подлинных убийц.

Адвокат протянул мне папку, мой взгляд выхватил некоторые слова: «Обязуется хранить молчание... В случае разглашения сведений будет нести уголовное наказание... Поддерживать официальную версию о событиях, имевших место в ночь с...»

Текст знакомый, я уже один раз, в начале сентября 1975 года, давал подобную расписку, хранящуюся сейчас где-нибудь в недрах архива НКВД-КГБ-ФСБ на Лубянской площади в Москве. То, что американцы, как и тогда Советы, приняли решение замолчать правду, по крайней мере на какое-то время, я понял практически сразу. Что же, я живу в Америке больше тридцати лет и давно понял, что слова о торжестве демократии и независимости правосудия – не более чем пропагандистский лозунг. В случае необходимости (а данный случай, по всей

видимости, подпадает под эту категорию) исполнительная власть или одна из многочисленных спецслужб вмешивается в ход расследования. Но не мне жаловаться – ведь мое имя не будет упомянуто вовсе, и никто не узнает о том, какую роль сыграл я в произошедшей истории.

А, собственно, какую именно? Богатого старого болвана, оказавшегося в неурочном месте в неурочное время. О, если бы я приехал всего на несколько минут раньше.. Впрочем, если бы приехал, одним трупом оказалось бы больше и к двум жертвам прибавилась бы еще одна – моя собственная персона. Размышляя, я пытался прогнать дурные мысли, но в том-то и заключалась трагедия: в голове у меня царил полнейшая пустота, как будто кто-то всемогущий нажал на костяную клавишу выключателя – и все мои мысли исчезли.

Не вчитываясь (а на что мне адвокат, который, несмотря на старинную дружбу, дерет невероятный гонорар), я подмахнул бумажку, которая тотчас оказалась в лапах вертлявого представителя Министерства юстиции.

– На сем вы можете быть свободны, мистер Бэскакоу, – произнес один из типов, чьих имен я не запомнил (собственно, и не собирался запоминать).

Конечно, мне было не до их имен: хотелось одного – налить чернил и плакать. Хотя чего я, кажется, эта фраза уже запатентована. Да, все смешалось в доме Облонских... то есть в моей голове смешалось. Мне оставалось лишь надеяться: вот сейчас я разомкну веки и увижу, что нахожусь в постели, и мне привиделся дурной сон, и Джи, моя милая малышка Джи, находится тут же, под боком, живая и невредимая...

Но пробуждения, конечно же, не наступило, и моя молитва к богу, в которого я никогда не верил, осталась без ответа. Ну ты, Великий и Ужасный, Повелитель Небес и Сотрясатель Земель, Главный по Жизни и Смерти, что тебе стоит выполнить одно-единственное мое желание! Многого не прошу: сделай так, чтобы Джи оказалась жива, и забери меня к себе. Ну, можешь даже не к себе, а отправь к своему пропахшему серой кузену в преисподнюю, там, по крайней мере, подберется отличное литературное общество, так что будет о чем побеседовать с умными людьми вплоть до второго пришествия. Ау, где же ты, Господь Саваоф, Иегова, Будда, Всеединная Троица, или как к тебе обращаться? Почему же ты не отвечаешь? Я ведь предлагаю отличную сделку – душу нобелевского лауреата в обмен на душу Джи. Тебе мало? Так и быть, тогда прихвати моего адвоката и этих пятерых типов, что обманывают американскую общественность, причем, конечно же, не по своей воле, а по приказу свыше – наверняка без Белого дома здесь не обошлось. Не удивлюсь, если сама Кэтрин Кросби Форрест дала негласный приказ сообщить прессе неправду. И президентшу можешь забрать, и вообще всех людей Земли, только оживи Джи! Тебе же ничего не стоит! Ты и Лазаря воскресил, и сына своего Иисуса вернул к жизни после смерти на кресте. Ну ответь же, о Боже, дай мне знак! Дай немедленно знак! Знак!

Бокал, полетев со стола, упал на пол с кошмарным треском, как будто разорвалась вакуумная бомба. Один из агентов ФБР, смахнувший его локтем, покраснел и тотчас извинился. Мой запал, достигший за секунду до этого апогея, прошел. Да, обмельчали божественные силы за последние века – раньше на небе возникали огненные буквы «Сим победиши» или из неопалимой купины вылетала голубица, вещавшая громовым голосом... Это, я понимаю, были знаки. А что получил я – разбитый вдребезги стакан и сконфуженного агента ФБР? Так то знак был или просто случайность? Или никого там наверху и в помине нет, и я, старый глупец, распинаясь напрасно?

Я поднялся вслед за своим адвокатом и, механически попрощавшись с допрашивавшими меня личностями, двинулся к выходу. Адвокат что-то говорил, уверяя: все закончилось самым благополучным образом. Мне захотелось схватить болтливого типа за горло и трясти его до тех пор, пока господь не выполнит моей просьбы. Может, в самом деле выхватить пистолет у одного из полицейских и взять всех в заложники, требуя от Высшего Разума оживления Джи?

Но в том-то и суть, что ничего не получится. Нет, конечно, устроить захват заложников по полной программе я могу (представляю себе заголовки новостей – «Нобелевский лауреат по литературе устраивает бойню и оказывается застреленным агентами ФБР»), но какой толк... Джи мертва, и ее уже никто не вернет. Ни бог, ни черт, ни даже я, находящийся где-то посередине между этими двумя антиподами. Интересно, шевельнулась у меня еретическая мысль, а если в самом деле перестрелять всех тут, Нобелевскую премию у меня потом посмертно отберут? Или все же оставят? Гм, так как еще ни один нобелевский лауреат убийства не совершал (вернее, не был до сих пор пойман с поличным), то ответить на сей вопрос вразумительно не сможет никто.

– Что? – услышал я изумленное восклицание своего адвоката. Его седые брови поползли вверх. Кажется, я задал ему свой вопрос вслух. – Бэзил, что ты хочешь знать?

– Ничего, – буркнул я, убыстряя шаг.

Мне хотелось одного: остаться в одиночестве. Адвокат любезно предоставил свой автомобиль к моим услугам, предложил даже, чтобы я переночевал у него, но я отверг его щедрый жест, предпочтя остановиться в отеле. Да и ночь, собственно, уже закончилась: было шесть тридцать утра. Настал день, которого Джи никогда более не увидит. Если бы меня накануне спросили, кто из нас умрет раньше, я бы без колебаний указал на собственную персону. Еще бы, ведь Джи была младше меня на тридцать три года, не страдала, в отличие от меня, сердечной недостаточностью и не перенесла три года назад мини-инсульт.

Адвокат доставил меня к отелю «Уотергейт». Что за насмешка судьбы – именно здесь мы провели нашу первую ночь с Джи почти полтора года назад. Но адвокат не мог знать об этом. Судьба-с!

Дав обещание, что пожалуй к нему и его нудной супруге на ужин (наверняка вставит потом часы, проведенные в их обществе, в счет как «консультацию»), я шагнул к лифту. Оказавшись в номере, запер дверь и повалился на кровать. Наконец-то впервые за долгие часы можно было дать волю чувствам, но, странное дело, слезы, которые постоянно наворачивались мне на глаза, вдруг пересохли. Я зарычал, швырнул подушку в стену, плюнул – и слюна, взметнувшись, упала мне на лицо. Да, именно этим и завершается бунт человека против бога – полным поражением.

Я отбросил плевков рукавом пиджака и, крихтя, поднялся. Давала о себе знать усталость, и, кроме того, меня мучил голод. Ведь я планировал перекусить с Джи еще прошлой ночью, а затем предаться любовным утехам. Но ничего не получилось: Джи мертва, а мою машину вместе с корзинкой, набитой провиантом, похитил невесть кто. Вернее, какая-то странная особа, которая перелезла через ограду особняка моего старинного друга Филиппа Карлайла.

Того самого Филиппа Карлайла, который восхищался моим творчеством и моим литературным гением и которому я в итоге наставил рога. С некоторых пор он стал подозревать, что Джи ему неверна, и даже говорил со мной об этом, спрашивая моего мнения, причем он и не подозревал, что разговаривает с соперником. Вначале я думал, что ему все известно и он ведет хитрую игру, но потом понял: Филипп уверен, что жена изменяет ему с молодым типом, и такую развалину, как и я (мы с ним были одногодками), он всерьез не принимал. Я уверял его, как мог, в том, что подозрения в отношении Джи беспочвенны, а он называл меня «святым человеком» и «наивным писателем». А потом произошло то, чему давно следовало произойти: Филипп решил выследить неверную жену и застукать ее вместе с любовником с поличным. А в результате Филиппа и Джи убили.

Я встал под горячий душ, прокручивая события прошлой ночи в мозгу.

Та особа, что швырнула мне в лицо тяжеленный мешок с железяками и украла мой «Порше», вряд ли была убийцей. Потому что я помню – были еще два типа, лиц которых я не разглядел. Они выбежали из ворот и пытались поймать особу, так ловко ускользнувшую у них из-под носа. Я же, поверженный на землю ударом мешка в лицо, притворился мертвым –

у типов были пистолеты в руках! Помню только, как один подошел ко мне и выдернул что-то лежавшее под моими ногами, кажется, большой конверт. И сквозь приоткрытые веки я видел, как он навел на меня пистолет, но мне повезло: сирены полицейских автомобилей были слишком близко, поэтому убийцы решили позаботиться о спасении собственной шкуры. Помню только, как другой мужчина сказал тому, что держал меня на мушке:

– Ладно, этот тип без сознания, а если нам повезет, и вообще концы отдал. Он все равно ничего не видел, так что уходим. Заказ мы выполнили – письмецо Тимоти у нас.

И убийцы скрылись. Я, приподнявшись, убедился в том, что полиция вот-вот окажется около особняка, поэтому принял мудрое решение – бежать. Меня беспокоило то, что произошло в особняке, но в тот момент ни о чем плохом я и не думал. Да и с Джи у нас был уговор: избегать опасных свидетелей, а полиция, безусловно, относилась к таковым.

Я спихнул с груди черный мешок, затем заглянул в него и обнаружил там стальные штучки, больше похожие на слесарные инструменты. Имелись также и документы, поэтому я решил прихватить мешок с собой – так, быть может, я смогу отыскать ту особу, что украла мой автомобиль и испортила randevu с Джи. На то, что это была женщина, недвусмысленно указывала фотография на удостоверении личности – их было два, причем на разные имена. Физиономии у дам были разные, но я решил, что разберусь с этим позднее: завывания полицейских сирен не давали покоя и мне.

Будь у меня под рукой «Порше», я бы, не задумываясь, дал газу, но ведь меня лишили средства передвижения! Поэтому я, нацепив мешок на спину, нырнул под сень большого вяза – и наткнулся на ничейный спортивный велосипед, прислоненный к стволу. Не задаваясь вопросом, кому он принадлежит и можно ли его взять, я уселся на него и, тряхнув стариной, отправился в путь. Но, как говорится: «Будь попрочнее старый таз, длиннее был бы мой рассказ». Физическая форма у меня плохая, даже несмотря на то, что по настоянию Джи и врачей я уже около года посещаю тренажерный зал, в котором, впрочем, больше предаюсь ничегонеделанию и трепу со знакомыми, чем упражнениям. Да и скрыться на велосипеде от полиции трудно. Поэтому меня все же остановили и задержали, так как я вызвал подозрения. Но прежде мне удалось снять мешок и швырнуть его в ближайшие кусты: я сообразил, что лучше избавиться от непонятных инструментов и странных документов.

Так я, Бэзил Бэскаоу (а по-русски – Василий Баскаков), лауреат Нобелевской премии по литературе за 1983 год, впервые за долгие годы своей жизни и литературного творчества оказался арестованным. За те тридцать лет, что я живу на чужбине, в Америке, мне всего пару раз доводилось иметь дело с полицией – меня останавливали и штрафовали за превышение скорости, да еще как-то мне довелось стать свидетелем ограбления в супермаркете и после давать показания в суде. На том мое знакомство с американскими блюстителем порядка исчерпывалось.

Сейчас же я был подозреваемым – еще бы, странный пожилой тип, задержан неподалеку от места преступления на велосипеде при попытке покинуть Александрию и направиться в Вашингтон. Моя фамилия не произвела на полицейских ни малейшего впечатления, и я понял, что они в самом деле не имеют понятия, кто я такой. Ну что же, по всей видимости, их нельзя зачислить в стан поклонников магического реализма – жанра, в котором я творю уже без малого пятьдесят лет.

Гражданство у меня американское, но акцент – русский. А когда я упомянул о том, что являюсь лауреатом Нобелевской премии, дородная дама-полицейская, вытаращившись на меня, заявила своему напарнику, что я только что сделал чистосердечное признание и сообщил о том, что состою членом террористической организации. Видимо, имя Нобея звучало для нее подозрительно, примерно так же, как имя Бен Ладена.

Меня доставили в полицейский участок, откуда я имел возможность позвонить своему адвокату, на счастье проживающему в Вашингтоне, и попросил его немедленно прибыть ко

мне. Надо отдать ему должное, свой гонорар он отрабатывать умеет – примчался через сорок минут.

Потом мне предстояло узнать сногшибательную, причем в прямом смысле этого слова, весть – Джи мертва. А также мертв и Филипп. И меня на полном серьезе подозревали в причастности к их убийству. Поэтому, следуя совету адвоката, я выложил все (вернее, почти все): как сделал своего старого друга, самого известного журналиста Америки, рога носцем, как тайно встречался с его молодой женой и занимался с ней сексом, как мы собирались ночью встретиться в особняке, используя то обстоятельство, что Филипп находился в Европе. Поведал я и о том, что немного задержался (на полпути вспомнил, что забыл купить персики, которые так любила Джи, поэтому пришлось развернуться и съездить за ними), а также о том, как мне под ноги свалился некто с забора. О мешке я в тот момент, потрясенный новостью о смерти Джи, забыл, а когда вспомнил, решил, что данную деталь стоит утаить. Потому что я уже принял решение и не хотел, чтобы мне помешали воплотить его в жизнь.

Более всего допрашивавших меня полицейских заинтересовало упоминание субъектов с пистолетами, изъывших письмо от некоего Тимоти, но они не смогли ничего уточнить, потому что заявили представители одного из самых могущественных штатовских ведомств. Полицейским пришлось ретироваться, и меня перевезли в Вашингтон, в штаб-квартиру ФБР, где все началось заново: допрос, показания, терзания души.

Я постоянно переспрашивал, желая уточнить, не произошло ли ошибки – может быть, Джи удалось спасти? Но ошибки не было – мне презентовали фотографии, сделанные на месте преступления: Филипп с аккуратной дыркой в голове и Джи с точно таким же отверстием во лбу, который я многократно покрывал поцелуями.

Она была убита, она была мертва, и надежды не оставалось. Что происходило дальше, я помню не очень хорошо: вопросы, вопросы, вопросы. Я заново повторял одно и то же и желал единственного – скончаться тут же, на месте, и присоединиться к Джи. Плохо только, что на том свете меня поджидает и Филипп, который наверняка захочет намылить мне шею за то, что я соблазнил его жену.

Впрочем, соблазнила меня она: я бы никогда не позволил себе переспать с женой своего старинного друга. Ведь именно он в середине семидесятых помог мне, диссиденту из СССР, прибывшему в Штаты (причем не по собственной воле, а выдворенному из Союза в спешном порядке и по специальному постановлению Президиума Верховного Совета СССР лишённому советского гражданства), найти издателя для моего нового романа и войти в богемное общество Восточного побережья.

Да, Филу я был обязан очень многим, в том числе и самой большой любовью своей жизни.

В Союзе у меня была жена, но, когда разразилась вся катавасия, она предпочла немедленно подать на развод и заклеить меня. Интересно, что много позже, уже после развала СССР, когда я впервые снова приехал в Москву, мы встретились с Ниной: к тому времени я был всемирно известным, уважаемым и, что самое главное, чрезвычайно богатым писателем. Нина клялась мне, что ее заставили так поступить, что она до сих пор любит меня. Но я не мог простить ей того, что она не позволила мне перед тем, как меня отконвоировали в аэропорт, где запихнули в самолет на Нью-Йорк, повидаться с сыном. Долгие годы я мечтал снова встретиться с Павликом, который остался в моей памяти стеснительным мальчиком пяти лет с волосиками цвета льна. Но я упустил из виду, что прошло больше пятнадцати лет, и передо мной оказался высоченный молодой человек, студент четвертого курса одного из столичных вузов. Он был польщен встречей со мной, но называл исключительно на «вы» и по имени-отчеству, Василием Петровичем, а когда я попытался обнять его и прижать к себе, отстранился и заговорил о том, что собирается скоро жениться. Павел пригласил меня на свадьбу, но там я был чужим человеком, посторонним, свадебным генералом, реликтом (или реликвией?) и привлекал всеобщее внимание – так бы, наверное, люди глазели на лох-несское чудовище, если

бы его удалось изловить, или на живого марсианина, извлеченного из-под обломков потерпевшей крушение «летающей тарелочки».

С Павликом я поддерживаю связь до сих пор, по моему приглашению он два раза был вместе со своей семьей у меня в гостях, но на этом, собственно, и все. Получилось, что, заставив уехать из страны, у меня не только отобрали право быть его отцом, но и право стать дедом для двух его дочурок. Я для них странный субъект, пресловутый богатый американский дядюшка, эксцентричный чужак, терпеть общество которого можно лишь в обмен на щедрые подношения с моей стороны.

Мне было наплевать, что после так называемого поворота к демократии (когда власть, выпавшую из рук дряхлых партократов, подхватили зубастые олигархи, а чуть позднее – нахрапистые силовики) мои книги снова печатают в России, что меня провозгласили «голосом нации» и «ведущим русскоязычным писателем», что мне вручили премию «Триумф» за мой роман «Радужная оболочка» и Букера за сборник рассказов «Гелитополь». Я бы отдал все на свете, вкуче с Нобелевской премией и прилагающимся к ней чеком на миллион долларов, лишь бы Павлик стал мне родным. Но тщетным мечтаниям не суждено было исполниться...

Поэтому-то я, хоть и наезжал раза три-четыре в год в Москву, подолгу там не задерживался: переговоры с тамошними издателями вел мой литературный агент, в тусовках и книжных ярмарках я принимал участие только в исключительных случаях, а если что и требовало моего присутствия, так это экранизация моей некогда запрещенной в Союзе трилогии «Любовь в Москве и смерть в Париже» о судьбах русской интеллигенции с дореволюционных времен до сегодняшнего дня или получение очередной правительственной награды из рук президента в Кремле. Странно, раньше меня называли ренегатом и поливали грязью, сейчас же титуловали гением пера и обласкивали. И то и другое было в одинаковой степени неприятно и мерзко.

Зато на торжественном кремлевском банкете можно было встретить старых знакомых, к примеру, Сергея Константиновича Долинина, генерала ФСБ в отставке. Тридцать с лишним лет назад он, в ту пору еще майор Пятого Главного управления КГБ, умело допрашивал меня, писателя-бунтаря, и склонял к написанию идеологически правильных произведений, страшая в случае неповиновения заключением в психушку или осуждением по статье «тунеядство» и «растление малолетних».

Теперь же Долинин был полномочным и чрезвычайным представителем президента в Северо-Западном федеральном округе, следил за выполнением норм Конституции и буквы закона. Под водочку мы с ним разговорились, вспомнили былые времена, посетовали на падение нравов в современной российской литературе, покритиковали империалистические тенденции во внешней политике белодомовской администрации и сошлись во мнении, что раньше, во времена цензуры и подавления свободы слова, истинному творцу жилось лучше: не было вареной колбасы и возможности пропихнуть в издательство свои опусы, но было неисчерпаемое вдохновение и стремление творить. Так я, сам того не желая, оказался внесенным в списки Общественной палаты при президенте, призванной решать морально-социальные вопросы и выдавать общее направление в культуре. Правда, я появился всего на одном заседании, живо напомнившим мне бюрократические бдения эпохи переразвитого брежневизма, после чего перестал посещать этот цирк шапито и в новый состав Общественной палаты, к счастью, включен не был – наверху не понравилось мое несерьезное отношение к серьезному вообще-то делу.

Так я и колесил по миру: бывал в Москве и Петербурге, заглядывая изредка в российскую глубинку, посещая страны ближнего зарубежья, запирался на своей вилле в Биаррице, где писалось лучше всего (панорамное окно во всю стену на втором этаже выходит на скалы, под которыми бушуют волны Бискайского залива), путешествовал по Южной Америке или Океании, собирая впечатления и обдумывая сюжеты новых книг и возвращаясь постоянно на свою новую родину – в Америку. Особым решением того же Президиума Верховного Совета,

который когда-то отобрал у меня право именоваться советским человеком, мне вернули гражданство России, так что я курсировал между двумя мирами, вернее, между двумя империями, римско-атлантической и византийско-сибирской, и, с каждым разом находя все больше отличий, убеждался в том, что они очень похожи.

О причинах, приведших к моему выдворению из Союза, можно прочитать в номере «Правды» за 8 сентября 1975 года или (если кто не доверяет советской прессе) в многочисленных европейских и американских газетах, вышедших осенью того же года. Как сказал мне на том кремлевском банкете уже малость захмелевший генерал в отставке Долинин: «Ты, Василий Петрович, писал не то, что надо. Вернее, может, и то, что надо, но не тогда, когда надо. Впрочем, напиши ты сейчас то, что писал раньше, это окажется никому не нужным. Так что, выходит, ты писал и то, что надо, и тогда, когда надо, просто читали не те, кому надо. Ну, сам понимаешь, времена были другие...»

«Неужели?» – только и спросил я тогда, но решил не вступать с генералом в отставку в идеологический спор. Собственно, мне ли жаловаться на жизнь? Из, в общем-то, малоизвестного писателя, но не без таланта, по причине выдворения из СССР и лишения гражданства в течение всего нескольких часов стал «маститым литератором» и «гениальным прозаиком». В СССР я был игрушкой коммунистических бонз, на Западе – капиталистических кланов. Из меня старательно делали второго Солженицына, хотя куда мне, Ваське Баскакову с Арбата, до небожителя Александра Исаевича. Но ведь получилось: и книги мои стали выходить по всему миру, и называли меня «русским Гарсиа Маркесом» и «московским Умберто Эко», а в 1983 году даже премию дали, и не какую-нибудь, а Нобелевскую. Я сначала думал отказаться, следуя примеру Сартра. Но потом вспомнил вопрос, который французский экзистенциалист адресовал Нобелевскому комитету («Можно ли отказаться от премии, а миллион долларов все же получить?»), и полученный им ответ («Нет!»), поэтому отбил в Стокгольм благодарственную телеграмму и стал готовить фрак подходящего размера.

Премия была мне вручена за роман-антиутопию «Саргассово море», который, как решили шведские академики, «насквозь пронизан стремлением автора подчеркнуть необходимость стремления человека к вековечному добру и свободе, не подвластной диктатурам и тоталитарным режимам». Я хотел было заявить в своей нобелевской речи об истинных причинах, заставивших Кремль выбросить меня из страны в двадцать четыре часа, но потом передумал: к чему ворошить прошлое? К тому же мне ведь теперь следовало корчить из себя великого литератора. Да уж, что за судьбина!

А причина была обыкновенная. Более того – банальная, если не сказать – тривиальная. Афоризм «шерше ля фам» все еще в ходу, а в моем случае он полностью отражает действительность. Кстати, не такой уж я был борец с режимом, чтобы меня высылать из страны, имелось в то время много людей гораздо более отчаянных и идейных. Да и столичный андеграунд был для меня всего лишь сценой для самовыражения, я вовсе не думал своими романами низвергать общественный строй или призывать к сексуально-буржуазной революции, как потом шептались, – политика меня тогда не очень-то занимала. А вот дочь одного политика...

Что уж тут таить: Галина Леонидовна, с которой я познакомился на одной развеселой вечеринке, положила на меня глаз. Ну разве я мог отказать дочери Генерального секретаря ЦК КПСС? А она потом заявила мне, что-де влюбилась, и пожелала развестись со своим тогдашним супругом и сделать таковым (то есть новым супругом) меня, Васечку Баскакова. Я уже подумал о том, как мне повезло и что родители мои из коммуналки наконец переселятся в отдельную квартиру на Кутузовском, но не тут-то было. Наш weekend в Гаграх закончился бесславно: в гостиничный номер ввалились дюжие гэбэшники и почтительно увели плачущую Галю. Не знаю, что уж там себе вообразил ее несильный папаша или люди из его окружения, но, опасаясь, что скандал может всколыхнуть общественность, они решили выбросить меня вон из Союза, обвинив черт знает в чем. А жену с ребенком оставили. Намекнули: если буду

болтать о своей связи с Галиной Леонидовной, то Нине и Павлику не поздоровится. Расчет был верный, и я, оказавшись на Западе, не проговорился о том, что мне было известно, хотя там ко мне так и ластились агенты разнообразных спецслужб, желая узнать правду «о романе с дочерью Генсека».

Получается, что Советская власть сыграла решающую роль в моем становлении как писателя: останься я в Союзе, путного ничего бы больше не написал, спился бы годам к сорока пяти и умер еще в конце восьмидесятых в страшной нищете и полном забвении от цирроза печени или белой горячки. А так я стал новым Львом Толстым, помноженным на Франца Кафку, мои книги читают даже в Америке, хотя в первую очередь высоколобые интеллектуалы (Мейлер, Рот, Апдайк), и очень даже хвалят. Слава «великого кормчего магического реализма» мне давно опостылела, и я заявил как-то своему американскому литагенту, что хочу написать что-то «эдакое», например, триллер или детектив: чтоб и до широких масс дошло, и первое место в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс» было обеспечено, и гонорар многомиллионный получить, и права Голливуду продать. Тот только схватился за голову и стал меня уверять, что тем самым я разрушу свою репутацию «писателя для избранных», вычеркну себя из чрезвычайно короткого списка гениальных оригиналов и уничтожу свое реноме творца искусства ради искусства (с моей точки зрения, весьма сомнительное).

Джинджер, которую я называл исключительно Джи, стала лучом света в темном царстве. Джинджер, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Джин-дже-ррр: кончик языка совершает путь в три шажка по небу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. Джин. Джер. Рррр. Она была Джи, просто Джи, ростом в пять с половиной футов (без двух вершков и в одних носках). Она была Джинни в длинных штанах. Она была Джи-красотка для своего старого любовника. Джинджер в заголовках светских новостей. Но в моих объятиях она всегда была: Джи!

Гм, впрочем, и это, кажется, уже у кого-то было... В том-то моя беда: память стала никудышной, да и таланта как такового нет, а что имеется, так только цветистый слог в придачу к Нобелевской премии, что для многих и является главным. Но ведь Джи мертва, и все другое не имеет ни малейшего значения.

* * *

Я вышел из душа, уселся в кресло и почувствовал непреодолимое желание затянуться сигаретой, хотя я завязал с курением лет пятнадцать назад. Мысль о никотине, терзавшая меня, в какой-то мере отвлекала от воспоминаний о Джи. Я и не думал, что все закончится таким страшным образом. Хотя, конечно, представлял себе, что может случиться, если Филипп узнает о моей nepозволительной связи с его женой. Как-то, помнится, я сказал Джи, чтобы она развелась с ним и вышла за меня, но она с хохотом отвергла мое предложение...

Встрепенувшись, я поднялся и закружил по комнате. Да, по всей видимости, я – старый, трухлявый пень, который захлебывается от жалости к себе! Удивительно, и что такого привлекательного находила во мне Джи? Ведь у нее была возможность завести интрижку с каким-нибудь молодым человеком, но нет, она выбрала именно меня! Не исключаю, правда, что ее привлекала моя слава и то обстоятельство, что я являюсь нобелевским лауреатом. О, и как я смею думать подобным образом о моей девочке! Но ведь в минуту откровенности она призналась мне, что вышла за Филиппа только из-за того, что он, во-первых, очень богат, во-вторых, чрезвычайно знаменит и, в-третьих, не особо молод, что позволяет ей надеяться стать в обозримом будущем веселой вдовой и единственной наследницей.

С силой ударив себя по коленке кулаком, я заплакал – но не от боли, а из-за того, что мне так не хватало Джи. Я больше никогда не увижу ее, никогда... Мне даже не разрешили

навестить ее в морге, а это значит, что мы расстались с ней навсегда! И что же мне теперь делать?

Хм, что делать? Конечно же, не сидеть сложа руки! Я-то знаю, что произошло на самом деле (вернее, думаю, что знаю): на Филиппа и Джи было совершено злодейское нападение. Вполне допустимо, например, такое предположение: кто-то позарился на содержимое их особняка и проник туда, думая, что хозяева находятся в отъезде. Ведь никто не мог знать о нашей с Джи запланированной встрече. Никто, кроме Филиппа, который, оказывается, давно подозревал о наличии у жены любовника и который решил вывести ее и его (то есть меня!) на чистую воду. Да, да, Карлайл заводил со мной речь о Джи и спросил тогда, якобы в шутку, может ли она изменять ему. Я здорово, помню, перепугался и стал уверять, мол, Джи его любит, а Фил в ответ воскликнул: «Но это не мешает ей трахаться с другим!»

О том, что любовник жены находится перед ним, он и подумать не мог. Филипп меня уважал, восхищался моим литературным талантом, но если бы кто-то заявил ему, что я и есть любовник Джи, он бы только пожал плечами. Мол, идиотская ошибка, и все.

Мы с Джи приняли решение соблюдать конспирацию и более не встречаться в то время, когда Филипп находится в Вашингтоне. Нам было на руку то обстоятельство, что ее муж часто находился в разъездах и оставлял жену одну. И как-то Карлайл даже попросил меня присмотреть за ней, когда отправлялся в очередной вояж по Америке или Европе, дабы собрать материала для своей очередной книги. Я и присматривал...

Мне было очень стыдно, я чувствовал себя виноватым перед Филиппом, но более всего мне не хватало Джи. Вернуть ее к жизни я не смогу, хотя отдал бы за это все на свете. Так что мне остается? Похоже, только влачить жалкое существование и надеяться, что загробный мир существует – хотя бы там я смогу встретиться с Джи.

Но если Джи вернуть нельзя, то я должен хотя бы знать, что ее убийцы понесут заслуженное наказание. А чтобы они смогли предстать перед судом, их надо поймать. Однако по официальной версии Джи убита Филиппом, и все поверят ей (вот ведь чушь!). О том, что Джи неверна мужу, подозревали многие, а о холерическом темпераменте Карлайла слагали легенды. Вполне очевидно: он вернулся в особняк, застал жену с любовником и застрелил ее. Но вся соль в том, что меня там не было! Филиппу не было причин впадать в бешенство!

Я никак не понимал, какая власть имущим польза от распространения фальшивой версии. Нет, она выдвинута отнюдь не для того, чтобы сохранить репутацию покойного Карлайла. Представляю, каким лакомым кусочком был бы для журналистов желтой прессы факт убийства знаменитого журналиста и его супруги на собственной вилле!

Итак, власть кого-то выгораживает. Но кого? Если к делу подключились ФБР и Министерство национальной безопасности, значит, выполняется приказ кого-то очень влиятельного. Возможно, главы ФБР. Или министра юстиции. Или... президента. Вернее, президентши, Кэтрин Кросби Форрест.

Филипп написал книгу об убийстве ее супруга, Тома Форреста, в бытность его президентом и многократно заявлял о том, что намеревается написать очередной бестселлер о восхождении к власти самой Кэтрин. Но ведь из-за этого не убивают!

Стоп. А почему я так уверен? Ведь Карлайл уже собирал материал, он даже побывал в Европе, где общался с людьми, знавшими Кэтрин еще в семидесятые. Президентша – милая дама, хотя и безжалостная, готовая на своем пути к абсолютной власти смести с лица земли любого. Говорят, решение въехать в Белый дом она приняла давно, когда и подумать нельзя было о том, что главный пост в стране может занять женщина. Но в течение многих десятилетий она упорно работала над осуществлением своего плана, настойчиво шла к цели. Вначале президентом стал ее муж, потом разразился тот мерзкий скандал (выяснилось, что Том Форрест развлекался с практиканткой, да не где-нибудь, а прямо в Овальном кабинете, причем он вначале под присягой заявил: «Секса с мисс Малиновски у меня никогда не было!» – что явля-

лось ложью). Конгресс затеял процедуру импичмента, но потерпел поражение, а потом президент Форрест был злодейски убит. Но даже это трагическое обстоятельство Кэтрин использовала себе на пользу – всего через неделю после гибели мужа она объявила, что выставляет свою кандидатуру на выборы в сенат от штата Нью-Йорк, и все были в восторге от ее самообладания. Если президента Форреста при жизни ненавидели или над ним смеялись, то после смерти он тотчас перешел в разряд святых. Неудивительно, что Кэтрин победила на выборах и заняла сенаторское кресло, а восемь лет спустя стала первой женщиной-президентом...

Мысль у меня заработала, я натянул банный халат, уселся в кресло и потер руки – так у меня всегда бывает, когда рождается перспективный сюжет. Какой же я, право, жалкий и дурной – плачу о своей участи, в то время как Джи лежит на столе прозектора! Да и Филиппа тоже чрезвычайно жаль, при всех своих недостатках он был хорошим другом.

Предположим – только предположим на секунду, – Карлайл наткнулся на некую тайну из прошлого или настоящего мадам президента (а в том, что у Кэтрин Кросби Форрест полно скелетов в шкафах, я не сомневался), и обнародование тайны способно разрушить ее политическую карьеру, более того – вынудить уйти в отставку. Одно было бы дело, если б некие обвинения выдвинул какой-нибудь малоизвестный журналист или начинающий писатель, совсем другое дело – появление бестселлера, созданного самим Филиппом Карлайлом. Кэтрин не поздоровилось бы! Поэтому было принято единственно верное в данной ситуации решение – убить Филиппа и похитить материалы. Поэтому-то в дом и проникли некие личности, не подозревая, что там находятся Джи и Филипп. Или наоборот – посланцы подозревали об их присутствии и задумали решить все проблемы в одну ночь – и изъять компромат, и убрать со сцены знающего опасную тайну великого журналиста...

Боже, я готов обвинить в смерти Джи и Филиппа президента США!

Но не сам ли Филипп наглядно продемонстрировал, что каждый президент замешан в скандале, иногда даже сразу в нескольких, и наипервейшее желание любого хозяина Белого дома – замять, замолчать, запретить! Нет причин предполагать, что Кэтрин Кросби Форрест стала бы действовать иначе. В ней, несмотря на ее широкую улыбку и обходительные манеры, чувствуется что-то жесткое и нечеловеческое. Даже смерть мужа она использовала в своих целях, как трамплин для вступления в большую политику.

Кстати, я в выборах участия не принимаю, но в прошлом году, когда Кэтрин боролась за пост президента, все же сделал исключение и проголосовал – за ее противника – республиканца. Не то чтобы я против политики, проводимой мадам президентом, но от Кэтрин веет холодом и голым расчетом. А такие люди мне не нравятся.

Если мои предположения верны, значит, приказ проникнуть в особняк Филиппа поступил с самого верха. Этим и объясняется то, с какой легкостью было замято дело, – Кэтрин лично отдала приказ. Еще бы, она умеет ссылаться на государственную необходимость! В таком случае Филиппа могли убить, потому что он слишком много знал, а Джи – по причине того, что она находилась рядом с ним.

Боже, моя девочка стала случайной жертвой! Если бы киллеры лишили жизни только одного Карлайла! Господи, о чем я только думаю...

* * *

Я включил телевизор – показывали выступление президентши в прямом эфире. Она выражала соболезнования родным и близким Филиппа Карлайла и его жены, а я, сжав кулаки, наблюдал за ее бесстрастным лицом. Так и есть! Кэтрин известна правда, но она, защищая собственную власть, обманывает американский народ, а вместе с ним – и весь мир. Ну, даром ей это не пройдет...

Разумнее всего было бы последовать совету моего адвоката и успокоиться, но я для себя решил: необходимо отыскать убийцу Джи и отправить его на скамью подсудимых. Причем не только его, но и того человека, который приказал убить Джи и Филиппа. От госпожи президента ожидать правды не приходится – она врет как дышит. Но что я могу в такой ситуации предпринять?

Обратиться к прессе и рассказать о том, чему стал свидетелем в ту роковую ночь? Но ведь я дал подписку о неразглашении! Заговорю – и мне грозит солидный тюремный срок. Хотя, с другой стороны, как можно запихнуть человека в тюрьму за то, что он говорит правду? Гм, похоже, методы работы американских спецслужб сейчас, в начале двадцать первого века, мало чем отличаются от методов работы советских спецслужб семидесятых-восьмидесятых годов века двадцатого.

Нет, публичное выступление ничего не даст: наверняка будет организована кампания против меня, и из свидетеля я быстро перейду в разряд потенциального убийцы. Придется рассказать и о том, что я наставлял рога Филиппу, и тогда все репортеры будут копошиться в грязном белье семейства Карлайл. Такого допустить нельзя! Жизнь Джи не должна стать предметом пересудов!

Значит, необходимо предпринять нечто иное. Скажем, нанять частного детектива, пусть займется расследованием. Но – стоп. Смогу ли я ему доверять, не сообщит ли он о моем заказе властям? Что ж, остается один-единственный вариант – самому стать частным детективом.

Как же я не подумал об этом раньше! Я ведь стал свидетелем того, как убийцы скрылись из особняка Филиппа, поэтому мне ничего не стоит самому пойти по их следу! В моей известности и в моем богатстве есть не только много минусов, но и, безусловно, несколько плюсов. Например, я могу делать то, что пожелаю, и мне не приходится постоянно задумываться о хлебе насущном.

В течение нескольких минут я в эйфории размышлял о том, как разгадаю загадку смерти Джи и Филиппа, отыщу их убийц и заказчиков преступления и передам их в руки правосудия. Представляю, какой скандалище разразится, если станет известно, что убийство Карлайла санкционировано Белым домом! Кэтрин не только уйдет в отставку, но и попадет на скамью подсудимых. Если, конечно, она виновата, но в этом я уже нимало не сомневался. Она и мужа-то заставила стать президентом с одной целью – чтобы потом самой забраться в президентское кресло! Такая честолюбивая и властная особа, как Кэтрин, никогда бы не удовлетворилась ролью первой леди: много шума, но практически никакого влияния на политические события. Ей хотелось большего – самой стать президентом. И ей, черт побери, удалось! Ну а если она стала первой женщиной-президентом, то почему бы ей не стать первой женщиной-президентом, ушедшей в отставку?

Но постепенно радость от занимательной мысли сменилась унынием. Хоть я и люблю детективы и сам тайно мечтаю написать один, но понятия не имею, как надо вести расследование. В книгах обычно в руках главного героя (я не сомневался, что являюсь главным героем, мне ли, лауреату Нобелевской премии, играть вторые роли!) находится некая потрясающая улика. Или свидетель преступления перед тем, как умереть, сообщает ему тайну. Или у него есть шифр сейфа, где хранятся компрометирующие документы...

Похоже, Шерлока Холмса из меня не получится. Как, впрочем, и Эркюля Пуаро вкупе с мисс Марпл. Я элементарно не знаю, что делать дальше! Свидетелей, кроме меня, на месте преступления не было, как вести расследование, мне совершенно непонятно.

Позвольте, как не было свидетелей! А та девица, что украла мой автомобиль и шибанула меня по голове мешком с железяками? Она ведь тоже имеет отношение к произошедшему. Вряд ли она является убийцей, иначе бы не удирала от тех двоих на черном джипе. Вот бы найти эту особу и побеседовать с ней! Но как я ее найду?

Мои размышления прервал телефонный звонок: объявился мой адвокат, сообщивший, что полиция обнаружила в Джорджтауне мой похищенный автомобиль. Но он был тотчас конфискован представителями ФБР. Когда я получу обратно «Порше», адвокат сказать не мог, хотя и обещал сделать все возможное.

Таким образом, не выходя из комнаты, я, подобно Ниро Вулфу, продвинулся в своем расследовании. Теперь я понял суть выражения «пораскинуть мозгами»! Особа, чей велосипед я позаимствовал, забрала мой автомобиль и прибыла в Вашингтон. Но она могла бросить «Порше» в Джорджтауне для отвода глаз. Или ее сообщник отвез туда мое авто, в то время как сама девица уселась в самолет, взявший курс на Аргентину. Я бы на ее месте точно покинул страну – если за человеком гонятся убийцы, являющиеся, скорее всего, представителями одной из могущественных спецслужб, то лучше перебраться на другой край планеты.

И все же, и все же... Мне необходимо отыскать эту особу и допросить ее с пристрастием. Не терплю насилия, тем более в отношении женщин, но тому, кто убил мою Джи, вырву руки и ноги и сверну шею! Только как напасть на след мерзавки, долбанувшей меня мешком с железяками?

Ответ пришел сам собой – ну конечно, при помощи все тех же злосчастных железяк. Они, в отличие от моего автомобиля (в котором, не исключено, остались отпечатки пальцев девицы и образцы ее ДНК) и ее велосипеда, в руки полиции и ФБР не попали – я же бросил мешок в кусты, когда, накручивая педали, пытался удрать от полицейских. И если мне повезет, мешок все еще лежит в том месте, куда я его катапультировал. Но вот только как то место найти?

Усталость как рукой сняло, я был полон энергии и желания во что бы то ни стало приняться за собственное расследование. Для начала оделся (пришлось облачиться в тот же костюм, что был на мне накануне, просто не было времени заботиться о таких мелочах, как одежда), спустился в ресторан отеля, где плотно перекусил. Прислушиваясь к разговорам за соседними столиками, я понял: весь Вашингтон только и говорит о смерти Филиппа. Для людей главной потерей был именно он, журналист, разоблачавший козни президентов, но для меня жертвой номер один являлась Джи. Судя по всему, спецслужбы работали чисто – во всяком случае, никто не выражал сомнения в том, что Карлайл застрелил жену, а затем сам пустил себе пулю в голову.

К моему несчастью, в зале находился мой знакомый издатель, который в компании с известной телевизионной сплетницей вкушал бранч. Он сидел ко мне спиной, и я бы бочком-бочком улизнул из ресторана, но у телевизионной дамы зрение оказалось отличное, и она зычным голосом, который заставляет дрожать всех и вся, окликнула меня.

Изобразив приличествующую ситуации радостную мину, я приблизился к их столику. Последовали стандартные фразы, рукопожатия, поцелуйчики. Разумеется, и издатель, и сплетница вели речь о самой важной новости дня – о смерти четы Карлайл.

– Я знаю, что произошло на самом деле! – заявила вдруг моя настырная собеседница.

Я настороженно воззрился на нее. Неужто безмозглая курица хоть раз в жизни докопалась до правды?

– Карлайл застукал распутную кошечку Джинджер в объятиях другого и устроил там бойню почище резни в Литлтоне и Вирджинии, – провозгласила дамочка.

Тут я почувствовал непреодолимое желание схватить со стола салфетку и запихнуть ее в бездонный рот сплетницы. Как она смеет называть Джи «распутной кошечкой»!

– Ни для кого не секрет, особенно в нашей большой деревне под названием Вашингтон, что Джинджер трахалась на стороне, – заявила мымра, кривя в мерзкой ухмылке карминно-красные губы. – Филипп, я знаю по личному опыту, был хорош в постели, но – лет тридцать назад. А Джинджер хотелось чего-то погорячее!

Может, помимо салфетки, запихнуть ей в пасть еще и ложку с вилкой и полить сверху уксусом?

– Не так давно мы с Джинджер сплетничали, – зашептала гадина, причем, разумеется, так громко, чтобы все находившиеся за соседними столиками имели возможность внимать ее словам. – Она сказала, что старики ей надоели. И у нее имелся любовник. Я даже знаю, кто именно!

Она выразительно посмотрела на меня, и я подумал, что если она сейчас же не замолчит, то тресну ее по лбу тарелкой, и будь что будет!

– Майкл-младший, сын банкира Томпсона, – заявила она с вызовом. – Он, правда, моложе ее на семь лет, но ведь милочка Джинджер никогда не выглядела на свои тридцать пять. О, у них был такой упоительный роман! Она рассказывала мне во всех подробностях! В прошлом месяце они отдыхали неделю у него на яхте.

В прошлом месяце Жи на неделю ездила в Японию. Во всяком случае, так она сказала мне. Мне и Филиппу. Господи, неужели в действительности Жи провела семь дней и, главное, семь ночей в объятиях великосветского бездельника и тупицы с телом Аполлона и интеллектом пылесоса, который занимается исключительно тем, что тратит папины миллионы?

Телевизионная клуша принялась живописать то, как проводили время Джинджер и Майкл-младший на яхте, но я грохнул рукой по столу.

– Не может быть! – вырвалось у меня. Я еле сдерживался, чтобы не зареветь от боли. – Нет, не может быть!

– О, Бэзил! – Своей рукой, униженной перстнями, дура похлопала меня по плечу и вздохнула: – Ты ведь такой наивный! Понимаю, Филипп был твоим лучшим другом, и тебе тяжело слышать это, но Джинджер была распутной тварью. За старика она вышла только из-за денег и собиралась, по слухам, скоро его покинуть, чтобы выйти за какого-то другого, наверняка за одного из стариков-миллиардеров. Но и то исключительно с целью обобрат до нитки! У нее же всегда была целая вереница молодых любовников!

Я уже поднялся, чтобы нанести гадкой сплетнице мощный хук в челюсть, но ноги у меня вдруг стали ватными, и я бухнулся обратно на стул. Жи хотела развестись с Филиппом и выйти за меня? И только для того, чтобы, как сказала сплетница, обобрат до нитки? Господи, похоже, мне многое неизвестно о Джинджер!

Тут я отметил, что впервые за долгое время назвал ее не Жи, а Джинджер. Но разве можно верить словам мерзкой тетки!

– У меня сведения, как всегда, из проверенных источников, – продолжала между тем мерзавка. – Не исключаю, что либо Майкл-младший, либо один из новых или старых любовников Джинджер был в особняке, когда на них наткнулся дурачок Филипп. Может, он всех президентов и видел насквозь, но в собственном доме был слеп, как крот. А когда прозрел, вышел из равновесия, вот и открыл стрельбу. Любовнику удалось удрать, а Джинджер не повезло. И затем, терзаемый содеянным, Филипп решил последовать за женой в царство теней!

Дамочка сделала драматическую паузу, и я понял, что самое позднее сегодня вечером вся чушь, которую она сейчас выдает, пойдет в прямой эфир в программе сплетницы.

– Скорее всего, Филипп застукал их в ванне, ведь Джинджер страсть как любила нежиться со своими дружками в теплой воде, покрытой пеной! – сыпала подробностями мыбра. Я окончательно сник. Сколько раз Джинджер, подобно наяде, увлакивала меня в мраморное корыто. А теперь оказывается, что она делала то же самое не только со мной?

Сославшись на то, что меня ждут неотложные дела, я распрощался. Телевизионная балаболка одарила меня пламенным взглядом (я давно понял, что она не прочь заполучить меня в свои мужья) и грудным голосом попросила не убиваться так из-за смерти старинного друга Филиппа.

Я вышел из отеля и несколько секунд стоял, чувствуя, что мир вокруг меня замер. Услужливый шофер осведомился, требуется ли мне такси, и я кивнул. Оказавшись на заднем сиде-

ные желтого автомобиля, попросил доставить меня к ближайшему автопрокату. Там я выбрал неброский серый «Форд», расплатился и, усевшись за руль, отправился в Александрию.

Не думал я, что давно знакомый путь будет таким для меня тяжелым. Нет, пробок не было (часы показывали двенадцать дня), просто то и дело слезы застилали мне глаза. И зачем я все это делаю? Джинджер мне изменяла, хотела выйти за меня замуж только из-за денег, а я, рискуя собственной жизнью, намереваюсь отыскать ее убийц. Может быть, оставить все, как есть?

Но изменили ли слова телевизионной сплетницы что-то в моих чувствах к Джинджер? Я ведь по-прежнему люблю ее! Поэтому должен осуществить то, что задумал!

Подъезд к вилле Карлайлов был перегорожен, там до сих пор находилось несколько полицейских машин. Но мне требовалась не вилла. Я пытался вспомнить свои недавние действия. Взгромоздившись на велосипед, отправился вон в ту сторону... Затем выехал на автотрассу, что, конечно, было полным идиотизмом: мне повезло, движение в столь ранний час не было интенсивным и меня не сбили. А дальше... Дальше я крутил педали, думая, что еще немного, и мне удастся уйти от преследования. Вот здесь я почувствовал, что силы мои на исходе, я швырнул мешок в кусты, а еще метров через триста сверзился с велосипеда, и меня арестовали.

Я съехал на обочину и заглушил мотор. Если не ошибаюсь, мешок я выкинул где-то здесь. А что, если его уже кто-то нашел? Значит, тогда мне остается вернуться обратно в Вашингтон, сдать автомобиль и забыть обо всем, как о страшном сне. Обо всем, в том числе и о Джинджер!

Под моей ногой что-то звякнуло, и я, нагнувшись, увидел черную непромокаемую ткань – мешок, походивший на большую кучу нечистот, лежал прямо под моей правой ногой. Я поднял его, заглянул внутрь: так и есть, похоже, все на месте – железяки и документы. Теперь у меня есть две возможности: вручить мешок полиции или ФБР, или... или не отдавать. Если отдам улику, то она, скорее всего, исчезнет навсегда: кто-то позаботится, чтобы правда не была раскрыта. Значит, надо оставить мешок у себя.

Я положил его на сиденье рядом с собой, завел мотор и отправился обратно в Вашингтон. Запершись в номере отеля, вывалил содержимое мешка на кровать, уселся рядом и стал внимательно рассматривать лежавшие передо мной предметы. Первым делом изучил водительские права – первый документ был выдан в штате Калифорния на имя Джессики Уорнер, двадцати восьми лет. Сама Джессика Уорнер – костлявая особа с рыжими волосами и массой веснушек. Другие принадлежали Марго Джонсон, выданы в штате Миссури. Их владелица на фотографии выглядела постарше, лет на тридцать семь, и намного симпатичнее, чем Джессика: длинные вьющиеся черные волосы, соблазнительная линия рта, пухлые губки.

Джессика не походила на Марго, а Марго на Джессику, но я не сомневался, что та особа, которая огрела меня мешком с железяками, умела перевоплощаться и в одну, и в другую. Водительские удостоверения выглядели настоящими, хотя кто их знает, может, просто высококлассная подделка.

Затем я принялся за изучение металлических предметов странной конфигурации. Забавные штучки... Для чего они? Вряд ли Джессика-Марго пробралась в особняк Филиппа, чтобы под покровом ночи устранить неполадки в системе отопления или водоснабжения! Вывод напрашивался сам собой – железяки являются отмычками и прочим воровским инструментарием. А дама, укравшая мой «Порше», – элементарная домушница.

Тогда становится понятно, отчего за ней гнались ребята в черных костюмах: она стала свидетельницей того, чего видеть никак не должна была. Такой вывод лишний раз подтверждает необходимость отыскать Джессику-Марго как можно скорее.

Я сосчитал железяки – их было тринадцать. Чертова дюжина... Но эти штуки мне вряд ли помогут, а вот документы... Наверняка они поддельные и девица зовется на самом деле вовсе не Джессикой и не Марго.

О жизни и привычках домушников я знал чрезвычайно мало, но зато был знаком с человеком, который мог сообщить о них много полезного. Коротышка Хорхе, как я сразу о нем не подумал! Несколько лет назад я работал над романом, одним из героев которого был мошенник (этакий современный Феликс Круль или Жиль Блаз¹), и, чтобы достоверно описать его похождения, обратился к профессионалам. Через знакомого полицейского вышел на Коротышку Хорхе, отсидевшего за свою долгую жизнь не меньше двадцати пяти лет в различных тюрьмах. Он-то и снабдил меня нужной информацией, и даже устроил randevu с подлинным мошенником – мне пришлось задавать ему вопросы с повязкой на глазах, но зато книга получилась великолепной.

Коротышка Хорхе обитал в Нью-Йорке, и я, позвонив своему адвокату, узнал, что могу покинуть Вашингтон: в число подозреваемых я не входил, а значит, мог свободно передвигаться. Да и какие, собственно, подозреваемые? Ведь Филиппа и Джинджер, по официальной версии, никто не убивал!

Я заказал билет на ближайший рейс и под вечер был в Нью-Йорке. Вернувшись домой, первым делом бросился на поиски старых записных книжек, в одной из которых и должны находиться телефон и адрес Коротышки Хорхе. Обращаться к помощи знакомого полицейского я не рискнул – к чему ему знать о том, что я снова хочу выведать кое-что у представителей криминального мира?

Нужная книжка обнаружилась на дне ящика, набитого ненужными бумагами, и я тотчас набрал нью-йоркский номер. Трубку сняла супруга Коротышки и сообщила мне, что ее супруг находится в больнице – ему позавчера удалили желчный пузырь. Переполошившись (у Коротышки Хорхе обнаружили рак, а значит, мне лучше поторопиться!), я отправился в госпиталь «Гора Синай», где, однако, узнал, что навестить мистера Гарсиа сегодня уже нельзя – нужно дожидаться следующего дня.

Ночью я не сомкнул глаз. Ворочался в постели и думал о том, что Джинджер мертва. То и дело плакал, вспоминая слова телевизионной сплетницы. Сердце мое разрывалось от любви и ненависти к бедной девочке. Так же, наверное, любил ее и Филипп. И точно так же ненавидел.

Еле дождавшись утра, я снова отправился в госпиталь. Коротышка Хорхе, насколько я помнил, был чрезвычайно алчным субъектом, и теперь, с учетом его серьезного заболевания, у него без проблем можно будет купить информацию.

Коротышка заметно изменился – казалось, еще больше съезжился, заметно похудел, облысел. Он был удивлен, увидев меня, и я, не ходя долго вокруг да около, объявил ему, что мне требуется его помощь.

Пришлось выслушать долгий слезливый монолог больного о его несчастной судьбе, о том, что ни молитвы Деве Марии, ни походы к колдуньям не принесли избавления от недуга, а также заявление о том, что на лечение уходят все его капиталы, скопленные в течение многих лет непосильным трудом. Если учесть, что Коротышка Хорхе всю жизнь промышлял кражами и обманом, то его дефиниция насчет «непосильного труда» представлялась весьма забавной.

Наконец, сунув ему под нос водительские удостоверения, найденные в мешке, я заявил, что готов щедро оплатить его услуги, если он сообщит мне, кто изготовил их.

– Я вот прочитал, что в Швейцарии сейчас предлагают совершенно оригинальный метод лечения... – протянул Коротышка, намекая на то, что я мог бы оплатить ему пребывание в тамошней клинике. Но, быстро сообразив, что этого от меня не добьешься, тяжело вздохнул и объявил: – Десять тысяч, сеньор писатель.

Я был готов к такому повороту дела и вытащил чековую книжку. Ради Джинджер я был готов на все.

¹ Герои плутовских романов.

– Вообще-то не доверяю я чекам... Но так и быть, вас я знаю... – сказал Коротышка, засовывая чек под подушку. – Правда, помочь я вам ничем не могу, водительские удостоверения – не моя специализация.

Взбешенный, я приготовился стряхнуть Коротышку с кровати, чтобы забрать свой чек, но тут он поспешно добавил:

– Зато я знаком с человеком, который вам поможет! Причем вам не придется ничего дополнительно платить, он – мой большой должник. И вы сможете поговорить с ним прямо сегодня!

Коротышка не обманул – он куда-то позвонил, произнес несколько фраз по-испански, а затем повернулся ко мне:

– Сегодня в восемь вечера в мексиканском ресторане на Мэдисон-стрит.

– Как я узнаю того типа? – спросил я, на что Коротышка ответил:

– Не извольте беспокоиться, сеньор писатель, он к вам сам подойдет!

Я появился в указанном ресторане почти на полчаса раньше и, заняв столик в глубине зала, принялся изучать публику. Заведение далеко не самое изысканное, но и не слишком грязное. Людей не очень много, но это к лучшему. Может, мне нужен вон тот носатый субъект с бегущим взглядом? Или толстяк, похожий на героя фильмов Тарантино?

Часы показывали три минуты девятого, когда ко мне подошел парнишка в безразмерных штанах и прогнусавил с сильным нью-йоркским акцентом:

– Интересно у тебя водительскими правами? Тогда за мной, дядя!

Бросив на стол десятку, я поспешил за странным подростком. А тот, не обращая на меня внимания, бодро вышагивал по улице, забитой людьми, и я даже запыхался, стараясь не потерять его из виду. Внезапно он свернул в проулок, я шмыгнул за ним – и увидел, что там никого нет. Куда же он делся, растворился в воздухе, что ли?

Внезапно раздался свист, и я увидел руку, высывавшуюся как будто из стены. Так и есть, здесь дверь, которую я не заметил. Я сделал несколько шагов и оказался в узком коридоре. Подросток шархнул куда-то в сторону, я прошел за ним – небольшая комната без окон, освещенная одинокой лампочкой, свисавшей с потолка. В комнатке круглый стол и два стула. На одном из них сидел ухоженный седой мексиканец лет пятидесяти, который, завидев меня, поднялся и сердечно приветствовал.

– Сеньор, простите за предосторожность, но, сами понимаете, соблюдение некоторых правил в нашей профессии не повредит, – пояснил он. – Коротышка сказал мне, что я должен помочь вам, и я сделаю все, что в моих силах. Вам нужны водительские права? На какое имя?

Я объяснил, что права мне не требуются, а нужно узнать, если это, конечно, возможно, кто изготовил некие документы. И протянул ему те, которые обнаружил в мешке. Мексиканец внимательно изучил их, затем рассмотрел в крошечную лупу, которую вставил в глаз, почесал подбородок и сказал:

– Нет, работа не моя, но, думаю, я знаю, кто их сварганил. Мастера высокого класса сразу видно.

Я оживился и поинтересовался, могу ли побеседовать с этим человеком, на что получил отрицательный ответ:

– Он не любит незваных гостей.

– Мне нужно узнать, когда и для кого он сделал данные документы, – настаивал я. – Разумеется, за сведения я заплачу столько, сколько потребуется. Деньги для меня не проблема!

– Советую вам, сеньор, больше не произносить последнюю фразу, – укоризненно покачал головой мексиканец. – Что же касается имен... Думаете, мы спрашиваем их у наших клиентов? Да и тот, кто сделал эти права, никогда не распространяется о своих делах. И ваша щедрость ничего не изменит: репутация дороже всего!

Уныние охватило меня. Вы только посмотрите – оказывается, у воров, мошенников и убийц тоже имеются этические нормы! Я повторил, что готов хорошо заплатить, полагая, что передо мной ломают комедию, цель которой – выжать как можно больше денег. Но, к моему удивлению, мексиканец ответил:

– Увы, сеньор, помочь я вам не могу. Мне очень жаль огорчать друга Коротышки Хорхе, но...

Значит, единственная ниточка, связывавшая меня с таинственной девицей, оборвалась. Расследование, едва успев начаться, закончилось. Я, понимая, что делать здесь мне больше нечего, поднялся со стула.

Внезапно мексиканец спросил:

– А водительские права – единственное, что у вас имеется?

– Да, – вздохнул я. И вдруг вспомнил про странные железяки.

Узнав, что у меня имеются инструменты, предназначенные, скорее всего, для взлома, мексиканец изменился в лице и заявил:

– Так что же вы раньше не сказали!

– Но как железяки-то могут нам помочь? – спросил я в раздражении. – Наверняка таких навалом!

– Не скажите... – протянул мексиканец. – Вы их внимательно рассматривали? Подобные штуки всегда делаются на заказ – ведь в супермаркете их не купишь. Они у вас с собой?

Мне оставалось лишь признаться, что инструменты остались в квартире, и пришлось покинуть бандитское логово. Но мне велели ждать телефонного звонка, который последовал утром следующего дня.

Горя от нетерпения, я сразу ринулся в знакомый мексиканский ресторан. На сей раз мексиканец встретил меня самолично, и мы прошли на кухню, где сновали повара и официанты, не обращавшие на нас ни малейшего внимания. Я протянул мексиканцу мешок с железяками: дома я как следует осмотрел их, однако не обнаружил ничего интересного: металл как металл.

Мой собеседник запустил руку в мешок, извлек две штуковины и принялся их внимательно рассматривать. Издав странный звук, он заявил:

– Ага, так я и думал! Хороший мастер всегда оставляет свое клеймо!

– Какое клеймо? – спросил я. – Ничего подобного я на инструментах не нашел!

– Значит, плохо смотрели, – заявил мексиканец и сунул мне под нос изогнутую штуковину. Его желтый ноготь упирался в рукоятку, на обратной стороне которой действительно виднелось крошечное изображение. – Сразу видно – работа подлинного профессионала, который не боится, что инструменты попадут в полицию и там станет известно, кто их сделал. Да, качество отменное.

Я разглядел два перекрещенных якоря. Сердце мое забилось учащенно. Не ахти какой след, но все же лучше, чем вообще ничего.

– И вы знаете мастера? – спросил я.

Мексиканец задумчиво почесал голову.

– Предположим, да, сеньор, однако вряд ли вам это поможет. Во-первых, живет он в другом штате, во-вторых, человек не особенно разговорчивый, а в-третьих, насколько я знаю, в последние годы отошел от дел...

Я вытащил пухлый кошелек, зашелестел купюрами, и мексиканец сдался. Получив от меня пятьсот баксов, сказал:

– Это клеймо старого Джимми Китса из Милуоки. Но учтите, сеньор, если что, я вам ничего не говорю!

Что ж, мне следовало отправляться в путь – в Милуоки, административном центре штата Висконсин, расположенном на севере страны, у самой канадской границы, мне бывать еще не доводилось. Самое время нанести визит вежливости старому Джимми Китсу!

* * *

Около полудня я покинул Нью-Йорк, вырулив в северном направлении. В пути обдумывал дальнейшие действия. Пришлось согласиться с тем, что лучше подкупа ничего нет. Раз этот Джимми отошел от дел, значит, ему требуются деньги (кому они, собственно, не требуются), следовательно, имеется база для переговоров. Старика я уж как-нибудь уломаю, самое главное, чтобы он вспомнил клиента, для которого изготовил инструменты, лежавшие сейчас у меня в багажнике. Не исключено, что Джессика-Марго их купила через посредника, придется в таком случае еще попутешествовать, но я чувствовал азарт, охвативший меня, шестое чувство подсказывало: нахожусь на верном пути.

Милуоки оказался провинциальным гнездышком, расположенным на западном берегу озера Мичиган, недалеко от мегаполиса Чикаго. Еще до того, как отправиться сюда, я воспользовался Интернетом и установил, что в Милуоки проживает шесть человек по имени Джеймс Китс. Который из них мне требовался, я не знал. Интересно, мне следует позвонить в дом каждого и спросить: «Здесь делают воровские отмычки?»

Все оказалось намного проще – мне было известно, что старику Джимми далеко за семьдесят, что облегчало поиск. Два первых Джеймса Китса оказались слишком молодыми, третий – не так давно скончался (но ему было всего сорок семь – трагический несчастный случай), а вот четвертый...

Обитал он на окраине, и, оказавшись около небольшого дома, выкрашенного в ярко-красный цвет, я понял, что нашел того, кто мне нужен, – на фасаде белой краской были нарисованы два перекрещивающихся якоря. Вряд ли это случайное совпадение, искомый Джимми Китс живет именно здесь!

Я подошел к двери и позвонил. Пришлось достаточно долго ждать, наконец на пороге появилась женщина лет тридцати с небольшим, наверное, дочка старика. Выглядела она изможденной.

– Добрый день, – приветливо сказал я. – Я старый знакомый мистера Джеймса Китса и хотел бы увидеться с ним...

Женщина со всего размаху захлопнула дверь, и я замер на полуслове. По всей видимости, старых знакомых здесь не особенно уважали. Я не знал, что делать дальше. Снова звонить? А если женщина оповестит полицию, что тогда?

Но дверь внезапно отворилась, и та же самая особа подозрительно спросила:

– Отец давно на пенсии, заказы больше не выполняет. К сожалению...

В ее словах сквозила непередаваемая горечь. Ее можно понять – скорее всего, раньше Джимми Китс обеспечивал всю семью деньгами, а теперь благосостояние осталось в прошлом.

– Если хотите увидеть его, то платите, – продолжила особа. – Двадцать баксов, и идите в сад!

Я охотно расстался с купюрой, и мне было дозволено вступить в дом. Там пахло пылью и нуждой. Пройдя через дом, я вышел с противоположной стороны в сад. Впрочем, там не было ни единого дерева, только пожухшая желтая трава, надувной бассейн, где плескались трое мальчишек, большой грязный гриль и кресло-качалка, в котором сидел укутанный одеялами и пледами старик. Вот он, Джимми Китс! Последние сомнения отпали – голову старика венчала морская фуражка с золоченым изображением все тех же скрещенных якорей.

Старик, казалось, клевал носом. Я приблизился к нему и поздоровался, но ответа не последовало. Подошедшая вслед за мной женщина грубо схватила Джимми за плечо, толкнула старика и крикнула:

– Эй, папа, к тебе пришли! – Затем, повернувшись ко мне, пояснила: – Вы что, не в курсе, что мой отец страдает Альцгеймером? На сиделку, а тем более на частную клинику у

нас денег, конечно, нет, поэтому приходится мучиться с ним дома. Господи, и когда наконец это все прекратится! Эй, папа, твой приятель появился!

Старик открыл глаза и уставился на меня – в его взгляде не было ничего человеческого. Он распахнул беззубый рот и пустил слюни. Женщина вытерла их грязной тряпкой (видимо, кухонным полотенцем) и сказала:

– Ну, полюбуйтесь! А всего три года назад был совсем другим! Заказы ему поступали даже из-за границы, платили отличные деньги. И что теперь? У него ведь даже медицинской страховки нет!

Она прикрикнула на разыгравшихся в надувном бассейне детей и удалилась, оставив меня тет-а-тет с Джимми. Я пытался добиться от него вразумительного ответа, но не получилось: болезнь, скорее всего, прогрессировала. Я открыл мешок, вытащил из него инструменты, сунул их под нос старику и спросил:

– Скажите, для кого вы сделали это? Я дам вам тысячу долларов! Наличными! Мне очень надо найти владельца!

Старик улыбнулся, мне на руки капнула прозрачная слюна, и я с ужасом подумал, что, может быть, и меня ожидает подобная участь. Нет, все, что угодно, но только не слабоумие! Как только замечу первые признаки, сразу положу конец своему земному существованию!

Минут пятнадцать я пытался воззвать к совести и алчности Джимми Китса, но все было без толку: старик издавал мычание, затем завыл, а под конец внезапно провалился в сон. И здесь я потерпел неудачу! Меня охватила злость, но разве я мог что-то поделать? А ведь я был всего в полушаге от разгадки тайны!

Запихнув инструменты в мешок, я отправился в дом, где наткнулся на дочку Джимми, надраивавшую все тем же полотенцем, коим она вытирала отцу подбородок, весьма запыленный подоконник. Завидев меня, она прикрыла дверь в так называемый сад и сказала:

– Мистер, я поневоле слышала то, о чем вы толковали с моим папашкой...

Ну конечно, поневоле! Наверняка намеренно заняла стратегическую позицию, чтобы не пропустить ни слова!

– Вы что, согласны заплатить тысячу баксов, чтобы узнать, кто купил эти чертовы инструменты? – спросила дочь Джимми Китса, и в ее глазах загорелся алчный огонь.

Я ответил утвердительно.

– Знаете, папаша всегда вел записи, – протянула она, – и его журналы до сих пор сохранились. Но только посвященный вроде меня может их расшифровать!

Похоже, дамочка хотела вытянуть из меня несколько монет. Но разве я мог быть уверенным в том, что она меня не надует?

– Где ваши железки? – спросила она, понимая, что я ей не доверяю.

Я достал одну из металлических штукоевин, женщина схватила ее, провела пальцем по матовой поверхности и сказала:

– Да, папкина работа, сразу видно. Ну, следуйте за мной! Только предупреждаю: информация обойдется вам в три тысячи!

После нескольких минут торговли мы сошлись на тысяче восьмистах. Восемьсот особа получила тут же, тысячу я обещал вручить после того, как она сообщит мне имя. Мы спустились в подвал, где, как оказалось, была оборудована отличная мастерская. На стенах висели разнообразные инструменты, в углу стояло несколько странных станков.

Женщина включила три мощные лампы и с гордостью заявила:

– Здесь папашка и работал. Как же нам тогда хорошо жилось! Деньги рекой текли, отец купил мне отличный дом в Чикаго, у меня были крутая машина, шмотки, драгоценности. А потом все покатило к чертям собачьим – сначала у папаши обнаружился этот самый Альцгеймер, затем меня муженек бросил ради молодой, потом выяснилось, что у отца денег не так

уж много – он ведь завязтый картежник, большую часть спускал, ничего не откладывал на черный день.

– Так вы говорите, что можете определить, кто сделал этот заказ? – прервал я говорливую особу: слушать ее излияния у меня не было ни малейшего желания. – Но как?

Я все боялся, что ради лишней тысячи она обдурит меня, назвав первое попавшееся имя. Но дочка Джимми Китса, взяв с полки лупу, сказала:

– Вот, посмотрите, мистер, на эту штуковину. Видите изображение двух скрещенных якорей, фирменный знак папани? Он сам его изобрел, потому что вырос в Новой Англии, на берегу океана, и все хотел стать капитаном большого корабля, но жизнь по-иному распорядилась. У него все так в жизни – вкривь и вкось. Мечтал о сыне, а на свет появилась я. Он приучал меня к своему ремеслу, думал, что я продолжу династию, но ничего не получилось. Теперь я, конечно, жалею, локти кусаю – могла бы развернуться на полную катушку, а теперь, по всей видимости, придется скоро дом продавать...

Я увидел увеличенное изображение двух якорей, под ними – крошечный веночек из лавровых листьев, а внутри его – номер, XJ79.

– Ну, что я вам говорила! – воскликнула дочурка. – Папашка где-то вычитал, что в древности большие мастера всегда на свои изделия клеймо шлепали, поэтому решил следовать их примеру. А кроме того, он и номерок ставил, так, на всякий случай. Клиент его все равно невооруженным глазом не видит. А папаша вел свою картотеку, дабы, если его полиция прижмет, иметь возможность выторговать себе условия получше.

– И она у вас сохранилась? – произнес я в волнении.

– Ну а как же! – ответила дочка. – Я же думала, может, указанных там людей немного пощекотать, попросить о небольшой финансовой помощи, но ведь боюсь! Среди них много всякой швали, если узнают, что я их шантажирую, дом спалят вместе с нами! И кстати, мистер, если что, вы молчок, информацию я вам не давала. Понятно?

Конечно же, я пообещал, что никому ничего не скажу. Женщина потянула потайной рычаг, и часть стены, оказавшаяся панелью, отошла в сторону, обнажив полки с папками. Я было ринулся к ним, но хозяйка прикрикнула:

– Сидите тихо, мистер, и не рыпайтесь! Так, покажите прочие инструменты. Ага, понятно, набор для взлома. Не стандартный, такие папаша делал по чертежам, предоставленным клиентом. Значит, человек имел понятие о том, что ему требуется.

Она покопалась в папках, выудила одну, открыла ее, зашелестела страницами. И вдруг заявила:

– Полторы штуки гоните, мистер, и поживее! Вот требующиеся вам документы!

– Я должен вам всего тысячу, – возразил я, но переубедить жадную особу было невозможно. Оставалось только радоваться тому, что я захватил с собой из Нью-Йорка приличную сумму наличными.

Трижды пересчитав врученные ей банкноты, дочка мастера пододвинула ко мне папку с чертежами:

– Вот копии того, что оставил заказчик.

Бросив взгляд на какие-то непонятные мне рисунки, я возмутился:

– Мы договаривались об имени! А вы подсовываете мне эти схемы. На что они мне? Учтите, если имени не будет, деньги придется вернуть!

– Мистер, глаза-то разуйте! – язвительно заметила дочурка и ткнула в нижнюю часть листа. – Вот и имя!

Я убедился в том, что номер, указанный на чертежах, совпадает с номером, обнаруженным на инструментах, и прочитал: «Opegin». Гм, что за чушь? В английском языке такого слова нет! Может, что-то из тюремного жаргона, которым я не владею? Хотя постоитте, постоитте, что-

то знакомое... Ну конечно, ведь написано-то «Онегин». Но при чем тут главный герой одноименной поэмы гениального Александра Сергеевича?

– И чего вы на меня уставились, мистер? – спросила дамочка. – Я вам что, поисковая система? Неужели думали, папашка для вас тут оставит настоящее имя и еще адрес в придачу, чтобы копы, если бы заявились к нам с обыском, чего, слава богу, еще ни разу не было, сразу его с поличным взяли? Конечно, он использовал свой шифр. Только не спрашивайте какой, не знаю! Что это странное словечко значит, не могу сказать, так как не имею ни малейшего представления!

Прекрасно, я совершил путешествие, дал алчной особе две с лишним тысячи долларов, и все ради того, чтобы узнать – клиента зовут «Онегин».

– Если кто и может раскрыть тайну, так только папашка, – рассмеялась женщина. – Но вы сами его видели, он только мычит да слюни пускает!

Пришлось уйти несолоно хлебавши. Дочка Джимми Китса сделать копии чертежей, конечно же, не позволила, поэтому я переписал все, что показалось мне важным. Я переночевал в отеле, а ранним утром отправился обратно в Нью-Йорк.

Но почему я решил, что мое расследование пошло насмарку? Конечно, старик использовал свой код, но, по-моему, пресловутый «Онегин» сильно смахивает на кличку. Среди уголовников, понятное дело, в первую очередь друг друга называют именно так – не по именам, а по кличкам. Значит, мне требуется человек, который досконально знает криминальную братию.

* * *

Все же хорошо быть известным писателем, к тому же нобелевским лауреатом, – твое имя открывает практически любые двери. Американцы так падки на регалии, титулы и звания! Через моего алчного адвоката я вышел на частного детектива в отставке, некоего Барни О'Коннела, который, как заверили меня, лучше кого бы то ни было ориентируется в преступном мире североамериканского континента. Барни, на мое счастье, обитал недалеко, в Ньюарке, и, когда я позвонил ему, он тотчас пригласил к себе в гости.

О'Коннел оказался добродушным, краснолицым, полным субъектом лет семидесяти с небольшим – он так и лучился энергией и через каждые пять слов взрывался хохотом. Но не так-то прост был этот потомок ирландских переселенцев, каким подавал себя, – взгляд его светло-голубых глаз пробирал до костей, и он так ловко задавал наводящие вопросы, что двадцать минут спустя, сам того не желая, я поведал ему обо всем (ну, или практически обо всем), хотя изначально у меня была припасена совершенно правдоподобная история о великом писателе, работающем над новой книгой.

– Гм, мистер Бэскакоу, разрешите дать вам бесплатный совет: не суйтесь в это дело! – сказал он, наливая мне и себе виски с содовой. – Это ведь даже не осиное гнездо и не яма с гадюками, а черная дыра, которая засосет вас навечно – выхода оттуда уже не будет!

Он вручил мне бокал, а я, поставив его на полированную поверхность журнального столика, заявил без околичностей:

– Я высоко ценю ваше мнение, мистер О'Коннел, однако ответьте: вы можете мне чем-нибудь помочь? Если нет, то буду вынужден покинуть вас...

Барни вздохнул и отхлебнул виски.

– Мое дело посоветовать, а как поступать, уже ваше личное решение. Я проработал частным детективом больше сорока лет, так что повидал на своем веку очень много, меня ничем не удивишь, но еще раз предупреждаю: если в деле замешана политика, причем большая политика, тем более Белый дом, то ваше расследование может закончиться плачевно. Вообще-то мне не стоит помогать вам, мистер Бэскакоу, лучше было бы сказать, что мне ничего не известно, но не такой я человек, чтобы врать... Однако услуга за услугу – я не хочу, чтобы

мое имя трепали на каждом перекрестке и чтобы затем меня навести ребята из ФБР или Секретной службы...

Я дал слово чести, что никто ничего не узнает, и Барни, сделав еще один глоток, заявил:

– Как, говорите, зовут того типа, чьи инструменты к вам попали?

– Онегин, – повторил я, не совсем уверенный, что правильно выговариваю по-английски это слово. – Вообще-то таково имя героя произведения одного чрезвычайно известного русского поэта, Александра Пушкина, поэтому не понимаю, почему старик Джимми использовал именно его...

– Я знаю, кто такой Юджин Онегин, – сообщил вдруг Барни. А затем, к моему большому изумлению, продекламировал по-русски, правда, с кошмарным американским акцентом: – «Мы все глядим в Наполеоны, двуногих тварей миллионы!» Отлично сказано, мистер Бэскакоу, ваш Пушкин был мужик с головой!

– Да, можно и так сказать, – пробормотал я, стараясь подавить улыбку.

О’Коннел осушил бокал, поставил его на столик и произнес:

– Ну что же, дело упрощается. И Онегин, вне всяких сомнений, имеет прямое к нему отношение. Как только вы сказали, что мешком по голове вас огрела девица, я сразу понял, что, скорее всего, речь идет о ней. Ну да, теперь понятно, отчего Джимми Китс, человек весьма и весьма начитанный, избрал для заказчицы такой псевдоним. Во-первых, сделал из клиента-женщины клиента-мужчину, что могло бы запутать полицию, а во-вторых... Скажите, мистер Бэскакоу, как зовут главную героиню этой самой поэмы Алекса Пушкина?

Вопрос оказался таким неожиданным, что я на секунду растерялся. Какое отношение к происходящему имеет ее имя? Затем быстро дал ответ, испугавшись, что Барни подумает – нобелевский лауреат, выходец из России, не знает, как зовут главную героиню «Евгения Онегина».

– Татьяна. Татьяна Ларина.

– Вот, собственно, и имя той, кого вы ищете, – захохотал Барни. – Да, в самом деле, ее так и зовут. Хотя, думаю, в документах у красотки значится «Таня Ларин». Вы ведь здесь, в Штатах, тоже зоветесь Бэзил Бэскакоу, не так, как в России. Обамериканились, можно сказать. Ну что, понятна вам ассоциативная цепочка, весьма, замечу, незамысловатая?

– И кто она такая, эта Татьяна, то есть Таня Ларин? – спросил я в волнении. – Как и где ее найти?

Барни налил себе еще виски (похоже, экс-детектив на пенсии увлекся спиртным, что при его тучности и склонности к апоплексии весьма опасно), отхлебнул и охотно пояснил:

– О, ей всего лет двадцать восемь – двадцать девять, но она настоящий профи. Ее родители – выходцы из бывшего СССР. Кажется, приехали сюда по еврейской линии лет двадцать с лишним назад, когда Таня была еще совсем ребенком. Девчонка оказалась очень способной, без проблем освоила язык. Причем у нее явные актерские способности, может копировать любой акцент. В возрасте двенадцати лет стала чемпионом по шахматам среди юниоров штата Нью-Йорк. Потрясающие аналитические способности, которые она, увы, использовала в криминальных целях. Окончила хай-скул одной из лучших, получила стипендию в Колумбийском университете, где начала изучать медицину, но потом неожиданно бросила учебу. Кажется, там была какая-то трагическая любовная история. Связалась с уголовным миром и в течение короткого времени стала специалистом по ограблениям особняков миллионеров. Причем всегда подходит к этому занятию с размахом и изобретательностью. Ее не меньше дюжины раз задерживали, но каждый раз прокуратура не смогла предъявить обвинение. Что же касается вашего вопроса, где она сейчас... Понятия не имею! Она колесит по Америке, совершая то там, то здесь очередное ограбление.

Я почувствовал звон в ушах. Да, тетка запоздалой любви денди Онегина и есть мой искомый объект. Наверняка проникла в особняк Филиппа Карлайла, чтобы стырить драгоценности Джинджер, коих у моей возлюбленной было хоть пруд пруди.

– А вот ее родители, если мне не изменяет память, обитают в Нью-Йорке, на Брайтон-Бич, где у них небольшая лавка, – завершил рассказ Барни, и я, услышав последнее сообщение, едва не бросился ему на шею.

То, что в Америке весьма большое количество выходцев из бывшего СССР, является избитой истиной, и я сам – тоже тому подтверждение. Но так уж получилось, что за все тридцать с лишним лет своего обитания в Штатах я практически не встречался с прежними соотечественниками. Меня никогда не тянуло в ресторан, где подают к обеду борщ, винегрет и салат «оливье», я не стремился к общению с говорящими с одесским акцентом кумушками, не посещал русские магазины и супермаркеты. Если и доводилось сталкиваться с русскими, то только с теми, которые, подобно мне, принадлежали к так называемой богеме, – с писателями, музыкантами, художниками, балеринами, певцами или потомками белых эмигрантов и аристократов, бежавших на Запад после революции.

Теперь я пожалел о том, что был таким снобом. Ведь не могу же я, так сказать, с улицы, без чьей-то рекомендации, заявиться к Тамаре и Александру Лариным с расспросами. Да и что говорить? «Скажите, где скрывается сейчас ваша дочь-воровка», так, что ли? Барни уверил меня, что родители Тани понятия не имеют о том, чем промышляет их дочурка. Или, вернее, не желают иметь представления, подозревая, впрочем, что ее занятия не вполне легальны. И это лишний раз свидетельствует о том, что место, где она живет или прячется, они ни за что не выдадут, тем более мне, незнакомому человеку.

Я отправился на Брайтон-Бич, потерся около магазинчика, принадлежащего Лариным, даже зашел в него и купил пачку сигарет и мятные леденцы. Мать Тани оказалась приятной женщиной лет шестидесяти, подтянутой и бодрой, отец, старше супруги на несколько лет, выглядел не очень хорошо: мешки под глазами, зеленоватая кожа. Меня они приняли за американца – сказывался мой важный вид и очень даже неплохой английский, а сами говорили с типичным русским акцентом, даже не утруждая себя более-менее правильным произношением слов.

Я заметил на стене фотографию – девица лет шестнадцати и молодой человек чуть постарше. Ага, брат и сестра. Таня и Саша. О последнем О’Коннел мне тоже рассказывал – у него какая-то тяжелая болезнь, и на лечение уходит уйма денег. Уж не потому ли Татьяна и решила заняться грабежом?

Получив сдачу, я по-русски поблагодарил Тамару и, представившись корреспондентом Первого канала, стал всячески превозносить их трудолюбие и рассыпаться в комплиментах. Соврав, что мы, журналисты, готовим репортаж о жизни русских эмигрантов в Америке, сказал, что был бы очень рад, если они согласились бы ответить на несколько моих вопросов.

Ларины, конечно, согласились, а Тамара даже сказала, что мое лицо ей знакомо, – только потом я увидел, что у них имеются в продаже и три моих романа, на обложках которых были мои фотографии. Но, судя по всему, магическим реализмом Ларины не увлекались, отдавая предпочтение ироническим детективам (она) и ура-патриотическим боевикам (он). Мы договорились, что после восьми вечера я навещу их в квартире, располагавшейся прямо над магазинчиком. Пришел я со стандартным джентльменским набором – конфетами, тортом и большим количеством спиртного, которое, как я надеялся, развяжет язык родителям Тани.

Квартира была обставлена в ностальгических тонах: и где они только сумели раздобыть этот страшный диван и венгерскую «стенку», очень похожую на ту, что была модной в семидесятые годы в Союзе? На стене я увидел фотографии Татьяны, Саши и рядом, друг подле друга, фото русского президента и американской президентши. Ну надо же, что за странное сосед-

ство! А над комодом висел плакат ЛДПР с ликом бессменного дуче партии г-на В.В. Жириновского. Да-с, о вкусах, конечно, не спорят, однако, однако...

Отец Тани все тянулся к бутылкам, хотя его жена потчевала нас чаем. Александр Самойлович (так звали Ларина) даже прикрикнул на супругу, Татьяну Альбертовну, и заявил, что она не должна позориться «перед продюсером Первого канала». Польщенный тем, что из меня, представившегося простым журналистом, сделали уже продюсера, я приступил к делу.

Вначале беседа не клеилась, потом Ларины ударились в воспоминания, но я подталкивал их к одной, интересовавшей меня более всего, теме – об их дочке. Однако о Тане родители говорили неохотно, упомянули мимоходом, что она живет в Калифорнии, «где занимается бизнесом». Ну да, я бы тоже не очень охотно рассказывал журналистам, что моя дочь воровка и дюжину раз арестовывалась. Зато муж с женой в подробностях поведали мне о своей тяжелой судьбе: у их старшего сына обнаружили саркому Юинга (онкозаболевание скелета), он находился в частной клинике, пребывание в которой стоит бешеных денег. Так и есть, Таня пытается спасти старшего брата или хотя бы продлить его жизнь, но благородная цель не оправдывает ее криминальных занятий. Да и если брат умрет, разве она бросит свое незаконное занятие? Наверняка нет! Так что это все отговорки – мол, вору, чтобы помочь бедным родственникам. Причем отговорки неправдоподобные.

Я узнал подробно все тонкости диагноза, а также о многочисленных способах лечения саркомы Юинга, но о дочери больше не было сказано ни слова. Когда же я напрямую спросил, как часто Таня посещает родителей, Тамара тотчас предложила мне очередную чашку чая, а Александр, налив себе еще винца, дождался, пока жена уйдет на кухню, и сказал:

– Слушай, корреспондент, ты о дочке лучше не спрашивай, давай о чем-нибудь другом поговорим!

Так, похоже, Таня для них – персона нон-грата. Но, с другой стороны, родители явно не чурались принимать от блудной дщери деньги на лечение любимого старшего сына. Как я ни старался заговорить о Тане, ничего не получалось – любые мои попытки терпели крах. Просидев больше трех часов в гостях у Лариных и ничего не добившись, я решил откланяться. Александр Самойлович уже изрядно наклюкался и еле держался на ногах, и Тамара повела его спать, объяснив, что у мужа был тяжелый день.

Воспользовавшись неожиданной возможностью, я обшарил ящики комода, надеясь наткнуться на телефон или адрес Тани, но тщетно. Заслышав стук закрываемой двери и шаги, я быстро вернулся к столу. Настало время прощания. Заявив, что мои коллеги свяжутся с Лариными через недельку-другую, дабы заснять их интервью на пленку, направился к двери. И в тот момент, когда Тамара уже провожала меня к выходу, раздался телефонный звонок. Извинившись, женщина вернулась в гостиную, и я услышал фразы, от которых радостно забило сердце:

– Танюша, ты! Как я рада тебя услышать, дочка! Прошу, подожди, мне надо закрыть дверь.

Тамара вновь вошла в прихожую, но я и не думал уходить. Смушенно переминаясь с ноги на ногу, я заявил:

– Могу ли я воспользоваться вашей уборной?

Разумеется, в этой просьбе хозяйка мне не отказала. Я резво прошмыгнул в ванную комнату и, осторожно приоткрыв дверь, стал внимательно вслушиваться в разговор матери и дочери. Состояние здоровья брата... здоровье отца... фраза о том, что опять нужны деньги... И наконец...

– Ты во Флориде, в Майами? А когда к нам заедешь? Понятно...

С трубкой радиотелефона в руке Тамара вышла из гостиной и увидела меня, высунувшего голову из ванной. Пришлось, улыбаясь, поблагодарить ее и направиться к двери. Женщина быстро завершила разговор с дочерью.

– Ваша Таня? – спросил я. – Как у нее дела?

– Все хорошо, – сухо ответила Тамара, – как всегда, занимается бизнесом.

Ну еще бы, какой отличный бизнес – залезать в чужие виллы да особняки и потрошить сейфы! Я распрощался с Тамарой, поцеловал ей руку и заверил, что мы обязательно включим эпизод о ее семье в фильм.

Итак, прошедший вечер дал интересные результаты: мне стало известно, что Таня снабжает родителей деньгами, которые идут на лечение тяжело больного старшего брата. Но важнее всего – я узнал о местонахождении Тани. Наверное, тоже испугалась шумихи после смерти Филиппа и Джинджер и перебралась подальше от места происшествия. Хорошо хоть, что не в Мексику!

У такой особы, как Таня, наверняка имеется логово (причем, скорее всего, не одно), где она пережидает облавы, зализывает раны, а также разрабатывает новые преступления. Не исключено, что в Майами у воровки имеется квартира или даже особняк. Но как же мне ее найти в таком большом городе? Фланировать по улицам и надеяться, что случайно столкнусь с ней нос к носу?

Но существует и иная возможность: Таня, занимающаяся бизнесом, как твердят ее родители, остановилась в отеле. Интересно, у нее имеются дополнительные поддельные документы или нет? Она ведь оставила в мешке водительские права...

Чтобы внести в этот вопрос ясность, я сел на телефон и принялся методично обзванивать все отели Майами, задавая один и тот же вопрос – не остановилась ли у них Таня Ларин? Ведь зачастую для преступника лучше назваться на отдыхе подлинным именем, чем фальшивым. А Таня сейчас не на деле (вряд ли она в состоянии провернуть одно за другим ограбление с интервалом в два дня!), значит, ничто не мешает ей хотя бы для разнообразия использовать настоящие документы.

Шанс невелик, но все же, все же... Я звонил в отели полночи, и, когда уже убедил себя в том, что Тани нет ни в одном из них, вежливый женский голос администратора в очередном прощebetал:

– Да, мисс Таня Ларин въехала к нам позавчера и все еще занимает один из номеров. Могу ли я передать ей что-либо, сэр?

Вскочив с кресла, я заверил, что ничего передавать не надо, поставил жирный крест в телефонной книге напротив отеля «Фонтенбло Хилтон» и тотчас заказал билет на первый утренний рейс до Майами. Ну что же, Танюша, я тебя нашел, и теперь тебе от меня не уйти!

* * *

Флорида встретила меня палящим солнцем и адской жарой. Слава богу, что я был экипирован соответствующим образом: легкие белые штаны, цветастая рубашка навыпуск с короткими рукавами, большая панамы и черные дизайнерские очки, закрывающие пол-лица. С собой у меня был только небольшой походный чемоданчик с самым необходимым – задерживаться долго в Майами я не собирался. Безусловно, с девчонкой надо быть осторожным, ее голыми руками не возьмешь, все же преступница как-никак, однако я все рассчитал: выслежу ее, затем пригрожу полицией или ФБР, и она как миленькая выложит мне все, что знает. А в том, что Таня Ларин что-то знает, я ни секунды не сомневался. Вопрос в другом – что именно?

Поймав такси, я велел отвезти себя к отелю «Фонтенбло Хилтон», где предварительно заказал президентский люкс. Там первым делом поинтересовался у администратора, проживает ли по-прежнему у них Таня Ларин. Та, посмотрев в компьютере, заверила меня, что Таня Ларин еще не съехала, и сообщила мне даже номер комнаты, в которой обитала искомая особа.

Разместив вещи в своем номере, я отправился на два этажа ниже, чтобы полюбоваться на Таню. Следует ли мне начать операцию или немного подождать? Кто знает, на что способна

преступница, вдруг у нее при себе оружие? Тогда я ни за что не должен оказываться с ней наедине, лучше всего вести беседу в людном месте, например, в ресторане. В номер я к ней не пойду – она ведь может оглушить и даже убить!

Мне повезло – едва я появился в коридоре, как дверь номера, который занимала Таня, открылась, и на пороге появилась молодая привлекательная особа с длинными рыжими волосами. Хм, я видел фото Татьяны в доме ее родителей – там волосы у нее черные, а прическа короткая. Ну конечно, она напялила парик, чтобы изменить внешность!

Фигурка у воровки была ладной, и я невольно подумал, что у нее наверняка имеется целая вереница любовников. Но тут же вспомнил, ради чего оказался во Флориде (мне надо выяснить имена тех, кто убил Джинджер и Филиппа, и не исключено, Таня Ларин может мне помочь), и выкинул из головы привольные мысли.

Особа продефилировала мимо, даже не одарив меня взглядом. Еще бы, такой старый хрыч, как я, наверняка не заслуживал, с ее точки зрения, внимания. А мне это было только на руку – всегда хорошо, когда противник недооценивает тебя!

Я сделал вид, что копошусь около одной из дверей, а когда Таня села в лифт, быстро побежал по коридору. Нельзя упустить ее! Кто знает, может, она покинет отель и больше никогда здесь не появится. Пришлось воспользоваться лестницей – ох, давненько я так не бегал... Когда я появился в холле, дыхание у меня было затруднено, а на глазах выступили слезы. Таня уже приближалась к крутящейся двери на выходе из отеля. Я, натянув панаму на лицо, двинулся за ней.

Чертовка уселась в такси и была такова. Я отчаянно замахал рукой, пытаясь остановить свободное такси, но, как назло, ни одного не было. Наконец мне повезло, я плюхнулся на заднее сиденье машины и, указав на автомобиль, в котором находилась преступница, скомандовал:

– Следуйте за ним!

– Эй, мистер, я в такое не играю, – ответил водитель, молодой негр в красной бейсболке, надетой козырьком назад. – Не надо мне никакого криминала...

Я помахал купюрой в сто долларов и назидательно заявил:

– Я что, похож на мафиози? Да и те разъезжают на лимузинах, а не на такси! Там, впереди, моя молодая жена, я подозреваю, что у нее любовник, поэтому хочу выяснить правду.

Однако водителя мои слова несколько не успокоили:

– А когда узнаете, что она вам рога наставляет, застрелите? Нет, мистер, я честный малый...

Еще одна купюра в сто долларов развеяла сомнения водителя. Он покорился судьбе, замолчал и принялся крутить баранку. Я всматривался в поток машин, идущих впереди. Важнее всего не потерять автомобиль, в котором находилась Таня, из виду и не перепутать его с другим! Но зрительная память у меня всегда была хорошей, хоть в последние годы и стала немного подводить – что поделать, возраст!

В топографии Майами я совершенно не разбирался, однако понял, что мы выехали из центра и движемся куда-то ближе к окраинам. Автомобиль Тани определенно направлялся не в сторону аэропорта, что меня несколько успокоило. Значит, пташка пока не улетит. Но куда она едет? Не исключено, на воровскую сходку, или как там это у них называется.

Мы были в пути не меньше сорока минут, когда такси Тани затормозило. Моя машина находилась на порядочном расстоянии, поэтому я не боялся, что она обратит на нас внимание. Красотка выпорхнула из салона на улицу, и негр-водитель, присвистнув, сказал:

– Да, мистер, теперь я понимаю ваши опасения! Ну что, мне вас дальше везти или вы здесь останетесь?

Я, уплатив обещанный гонорар, поспешно вышел и осмотрелся. Мы находились в жилом квартале, не самом богатом, но и далеко не бедном. Таня метрах в тридцати впереди меня, бросая взгляды по сторонам, шла, цокая высокими каблуками. Похоже, она и сама здесь в

первый раз. Я двинулся за ней, сохраняя расстояние. Воровка ни разу не обернулась, и меня обуяла гордость за свои детективные способности – она и не подозревает, что я иду по ее следу!

Внезапно Таня свернула, и мне пришлось ускорить шаг. Когда я достиг нужной улицы, то, к своему удивлению, не увидел на ней знакомой фигуры. Меня взяла досада – я потерял ее из виду всего секунд на двадцать, а она уже успела зайти в один из домов! И что мне делать? Остается только ждать, пока она снова появится на улице.

Внезапно я почувствовал прикосновение холодного металла к своей спине и услышал спокойный женский голос:

– Мистер, еще одно движение, и я стреляю...

В жизни мне приходилось всего пару раз сталкиваться со смертью, причем самым непосредственным образом.

Как-то, в начале восьмидесятых, меня занесло в Рио-де-Жанейро. В день отъезда я засиделся с тамошними литераторами, дегустируя коктейли, и в итоге опоздал на свой рейс. Самолет, едва взлетев, упал в океан, все пассажиры и члены экипажа погибли. Если бы я взошел на борт, то тоже бы сгинул в пучине и так бы и не получил Нобелевской премии.

В другой раз я договорился со своим финансовым консультантом встретиться и обсудить планы по увеличению моего (и его собственного) благосостояния. Но сначала я проспал (что со мной практически никогда не случается), так как будильник, как выяснилось, не был заведен, хотя я отлично помню, что ставил его, потом мой автомобиль заглох на полдороге, а когда наконец завелся, меня угораздило едва не задавить бездомную, переходившую дорогу в неподобающем месте с детской коляской, заполненной всяческим хламом. Прибыла полиция, и я проваландался еще не меньше двадцати минут. Финансист, которому я позвонил по мобильному, успокоил меня, сказав, что будет ждать столько, сколько надо. Но встретиться с ним мне так и не довелось. Забыл упомянуть: офис моего финансиста располагался на девяносто шестом этаже северной башни Всемирного торгового центра на Манхэттене, а на календаре была дата 11 сентября 2001 года. Я был уже неподалеку, когда стал свидетелем того, как управляемый террористами самолет врезался в небоскреб между девяносто четвертым и девяносто восьмым этажом: мой финансист погиб в огненном inferно тотчас, не испытав ни малейших страданий. А ведь я мог бы оказаться в его бюро, и тогда бы список жертв теракта 11 сентября увеличился еще на одну фамилию – мою собственную.

Ни в Южной Америке, ни на Манхэттене я не испытывал особого страха, ведь роковые события прошли как бы мимо меня, и только позднее я осознал, как мне повезло. В Майами же все было по-другому: во влажную от пота и покрывшуюся мурашками от страха спину, к которой прилипла рубашка, упиралось дуло пистолета. И человек, который держал меня на мушке, отнюдь не шутил.

Я замер, чувствуя, что мои коленки предательски дрожат. Не хватало еще хлопнуться в обморок. Хотя это далеко не самый плохой вариант. Ну да, столько лет живу в США, стране, которая, по статистике, является одной из тех, где происходит самое большое количество убийств на душу населения, и до сих пор меня еще ни разу не ограбили. Видимо, настало время!

Я беспомощно обернулся по сторонам, но помощи ждать было не от кого – улица оказалась проулком-тупиком, не видно ни единой живой души, кроме меня и того, кто наставил на меня пистолет. И, не исключено, мне в скором будущем суждено из разряда живой души перейти в разряд мертвых душ...

– Я вам все отдам, – прошептал я, – разрешите мне достать портмоне...

Так как возражений от грабителя не поступило, я дрожащими пальцами выудил из кармана кошелек, который у меня тотчас вырвали. Хорошо бы, чтобы этим все и ограничилось! Жаль только, что у меня в портмоне все кредитные карточки, придется сразу же блокировать их.

– Мистер Бэзил Бэскакоу, – произнес голос, видимо, изучивший мое удостоверение личности. – Черт, да вы что, русский?

Последняя фраза была произнесена по-русски, вернее, на американском русском – со смешным картавым прононсом и неверной интонацией. Так говорят некоторые из эмигрантов, которые, пробыв в Штатах пару лет, корчат из себя коренных американцев (хотя кто попадает под определение таковых – индейцы?) и намеренно уродуют родной язык, дабы возвыситься в первую очередь в собственных глазах. Или так говорят дети и внуки этих самых «коренных американцев», которые лопочут по-английски без проблем, зато имеют большие проблемы с тем, чтобы нормально изъясняться на языке своих родителей.

– Ну, как сказать... – протянул я, тоже переходя на русский и чувствуя, что долго так стоять не смогу. – У меня двойное гражданство – американское и российское. Обычно подобное не допускается, но – последнее мне вернули еще в 90-м, особым постановлением Президиума Верховного Совета... Если хотите денег, то берите все, однако не трогайте старого и больного человека, который ничего плохого вам не сделал и лица вашего даже не видел, мисс...

Господи, какую чушь я несу! Осталось только во всеулышание заявить, что я – нобелевский лауреат, и тогда меня похитят и потребуют выкуп!

– Тогда зачем вы меня выслеживаете? – спросил голос и прибавил пару непечатных американских ругательств.

Внезапно до моего разумения дошло: на меня вовсе не бандиты совершили нападение – за спиной стоит красавица Таня Ларин! Каким же я был наивным – она специально свернула в проулок, чтобы иметь возможность взять меня на мушкет!

– Таня, если позволите, я вам немедленно все объясню, – произнес я и тотчас пожалел об этом: бандитка дала мне подзатыльник, да такой, что я застонал от боли.

– Откуда тебе знать мое имя? – спросила она на том же ужасном русском.

Не в состоянии выносить, как она уродует наш великий и могучий, я уже по-английски ответил:

– Произошла какая-то ошибка, вы обознались, мисс...

– Ври, ври, да не завирайся! – заявила по-русски Таня, видимо, как и некоторые представители волны эмигрантов, обожавшая русские фразеологизмы, вставляя их где следует и, по большей части, где не следует. – Ты знаешь, как меня зовут, следил за мной от отеля... Я что, по-твоему, слепая? Ты преследуешь меня!

А я-то думал, что мне удалось остаться незамеченным! Да, когда дело имеешь с матерыми преступниками, лучше не зазнаваться. Получается, что все это время жертвой был я, а не Таня!

– На полицейского или агента ФБР ты не похож, – тем временем рассуждала вслух она, – да и слишком старый, тебе за семьдесят. Бэзил Бэскакоу, Бэзил Бэскакоу... Какое-то знакомое имя. Ты политик, что ли? В русском конгрессе сидишь?

– Слава богу, нет, – с достоинством ответил я, – но предложения от двух партий были. Таня, разрешите все вам объяснить. Но только пообещайте, что не будете стрелять в меня, пожилого человека, к тому же лауреата Нобелевской премии. Ведь за убийство здесь, во Флориде, могут отправить в камеру смертников.

Мои слова о Нобелевской премии и камере смертников возымели нужный эффект, и давление стали на мой позвоночник исчезло. Однако мне пришлось, так и не поворачиваясь лицом к Тане, рассказать обо всем, что произошло в прошедшие дни. Упомянул я и о том, что мы с ней уже встречались, и живописал, как она огрела меня мешком с отмычками и похитила мой автомобиль.

Наконец мой рассказ был завершен, но ответа от Тани не последовало. Очень осторожно, опасаясь выстрела, я обернулся; мне все казалось, что никакой Тани за моей спиной сейчас не окажется, ведь она могла давно сбежать. Однако нет, девица была все еще там.

– Если бы я сама не столкнулась с тобой, то, конечно, не поверила бы ни слову, – изрекла она. – Сними панаму и очки, нобелевский лауреат!

Я повиновался, покоробленный тем, что девчонка, которая была младше меня в два с половиной раза, нахально тыкает. Вот она, современная молодежь, никакого почтения к заслуженным сединам и лысынам!

– Ну да, точняк ты, – заявила Таня и вручила мне портмоне. – А теперь, мистер Бэскакоу, бери руки в ноги и дуй отсюда по Малой Спасской колбасой...

– Катись, а не дуй, – поправил я Таню. – И вообще правильнее будет сказать «бери ноги в руки» и «катись колбаской по Малой Спасской». Не следует нарушать фразеологический узус!

Что такое фразеологический узус, она понятия не имела, а только сказала:

– Хватит разговоров. По-хорошему тебя надо бы кокнуть, но я не кровожадная. Да и ты сам замешан в этом деле, в полицию или в ФБР стучать не будешь. Так что отправляйся обратно в аэропорт и лети назад в Нью-Йорк.

Пряча портмоне в карман, я прямо заявил:

– Но прежде я хочу узнать, кто убил Джинджер и Филиппа! Вы ведь что-то видели и что-то знаете?

Девушка ничего не ответила, а я, осененный внезапной догадкой, воскликнул:

– Ну конечно, вы были там! Вы – единственный свидетель! Вы должны мне помочь...

– Ничего и никому я не должна, – резко ответила Таня. – Ну, мне что, дважды повторять? Бери такси и дуй в аэропорт. Или мне придется применить силу!

Я посмотрел на небольшую сумочку, висевшую у нее на плече (там она и прятала оружие), и храбро ответил:

– Вы не убили меня тогда, около особняка Филиппа. Не убили и сейчас. Вы же понимаете, что я вреда вам не принесу. Я только хочу знать правду! И, собственно...

Шальная мысль возникла в меня в мозгу – наверное, на мою мозговую активность благоприятно действовало жаркое флоридское солнце.

– Что вы сами-то здесь делаете, Таня? – продолжил я. – Только не говорите, что прячетесь от полиции! Ведь по официальной версии Филипп застрелил Джинджер, а потом сам покончил с собой. Следовательно, никто не может предъявить вам обвинение. Вы же сами что-то ищете! Да, точно, вы что-то знаете и прибыли в Майами, дабы провести самостоятельное расследование. Так же, как и я!

Девушка прошептала по-английски:

– Мистер, вам же русским языком было сказано – убирайтесь прочь подобру-поздорову! Я умею быть очень жестокой.

– Нет, сомневаюсь, Таня. Вы прелестная молодая женщина, которая... – начал я и так и замер с раскрытым ртом, потому что почувствовал страшной силы удар, обрушившийся мне в солнечное сплетение. В глазах потемнело, я не мог вдохнуть и выдохнуть. Мерзавка ударила меня, безоружного и беззащитного пожилого человека, знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии!

Я мешком осел на асфальт, а Таня, склонившись надо мной, прошептала:

– Ну что, мистер, убедился в том, что я могу применить силу? Значит, так, повторяю в последний раз для нобелевских лауреатов, не особо отягощенных интеллектом: берешь такси, едешь в аэропорт, улетаешь в Нью-Йорк и сидишь там тихо, аки мышь. О том, что меня видел, забываешь тут же, на месте.

И, развернувшись, моя обидчица прошла прочь. Я же несколько секунд пытался подняться на ноги. Наконец мне это удалось. Сгорбившись, делая крошечные шажки и лоя ртом горячий воздух, я поплелся за Таней. Та, обернувшись, заметила меня, показала кулак, но я упорно двигался вслед за ней. Я имею точно такое же, как и она сама, право узнать, кто стоит

за убийством Филиппа и Джинджер! И Тане что-то известно, даже, как мне кажется, очень многое, и я должен выяснить, что именно.

Нахалка приблизилась ко мне и, вытащив из сумочки пистолет, приставила к моему лбу.

– Итак, дядя Вася, – заговорила она снова по-русски, и я невольно поморщился – не столько от пульсирующей боли в груди, сколько от издевательства над русским языком – от ее чудовищного акцента. Ее родители плохо говорят по-английски, зато сама Таня плохо говорит по-русски, а вот ее дети уже совсем забудут язык Пушкина и Толстого. Хотя нет, наверняка в семье из поколения в поколение будут передаваться несколько матерных слов и песня «В лесу родилась елочка». – Не верится в то, что ты писатель, к тому же лауреат Нобелевской премии, – продолжила Таня. – Ведь ты ужасно тупой! Мне что, прострелить тебе руку, чтобы ты понял – мотай обратно? Я ведь так и сделаю!

И сделала бы, если бы очередная гениальная мысль не пришла мне в голову.

– Профессор Джон Шапиро мой хороший друг, а его жена является большой поклонницей моего творчества, – заявил я. И, судя по тому, как дрогнул в ее руках пистолет, Таня прекрасно знала, кто такой профессор Джон Шапиро. – Я не только сведу вас с ним, но сделаю так, чтобы ваш брат, страдающий саркомой Юинга, стал одним из его пациентов. Даже более того – обещаю, что полностью оплачу лечение...

Профессор Шапиро был одним из лучших, если не лучшим, онкологом Америки, у него в Нью-Йорке имелся собственный исследовательский центр, попасть в его клинику могли далеко не все богатые и знаменитые. Зря я, наверное, ляпнул, что оплачу лечение брата Тани, хватило бы и консультации профессора. Но слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Во сколько обойдется курс? Профессор дерет будь здоров, мне мое поспешное обещание запросто может обойтись и в четверть миллиона. Хотя чего я так расстраиваюсь, разве я не готов заплатить четверть миллиона ради того, чтобы узнать, кто убил Джинджер?

– Ты не врешь, дядя Вася? – спросила девушка странным тоном. – Ты точно знаешь профессора Шапиро? Я пыталась записать Сашку к нему, но у профессора на ближайший год нет времени. А через год может быть уже поздно...

– Клянусь своей Нобелевской премией! – весомо ответил я. А про себя подумал: «Джон, конечно, мой друг, а его жена – поклонница моего таланта, но драть будут, как со всех, и скидки не сделают. А то еще и набросят немного».

Девушка спрятала пистолет в сумочку и подала мне руку.

– Извини, что я тебя так отделала, – сказала она, – но ты сам виноват, дядя Вася. Как бы ты поступил на моем месте? Кстати, когда ты поговоришь с профессором?

– Как только узнаю от вас, милая моя Танюша, все, что вам известно, – заявил я. – Вы хотите спасти брата, а я хочу узнать, кто убил Джинджер и моего старинного друга Филиппа...

– Которого вы с Джинджер обманывали, – вздохнула несносная особа. – Это ты для нее накупил всего? Шампанское, черную икру, персики...

Она сожрала содержимое моей корзинки! Собственно, о чем я: Таня украла мой «Порше»!

– Только не думайте меня обманывать! – разозлился я. – Я ложь сразу чувствую! Давайте, Танюша, колитесь! Расследование мы будем вести вместе!

И, вздохнув, воровка принялась за повествование. Она слишком заикливалась на ненужных деталях, поэтому я все подгонял ее. Меня чрезвычайно взволновал тот факт, что убийцу Джинджер и Филиппа она узнала в одном из телохранителей мадам президента. Так и есть, Кэтрин Кросби Форрест имеет ко всему непосредственное отношение. Кто, как не она сама, могла поручить своему телохранителю «оказать стране небольшую услугу»!

Таня прибыла в Майами, чтобы нанести визит вежливости некоему Тимоти С. Шмидту, чье письмо было похищено из особняка Филиппа. Имя мне было смутно знакомо, но я не мог вспомнить, откуда именно.

– И когда я заметила, что ты, дядя Вася, сел мне на хвост, я решила изменить маршрут поездки, – сказала Таня. – Так ты будешь звонить своему другу профессору Шапиро?

И она сунула мне мобильный. Не оставалось ничего иного, как связаться с супругой профессора, которая уверила меня в том, что ее муж найдет возможность ознакомиться с историей болезни нового пациента, брата Тани, и осмотреть его в ближайшие два или три дня. Судя по тому, с каким восхищением смотрела на меня воровка, моя репутация достигла заоблачных высот.

– Спасибо тебе, дядя Вася, – сказала она, и, как мне показалось, в ее глазах сверкнули слезы. – Я знаю, что и профессор Шапиро помогает не всем, но все же у Сашки тогда появится еще один шанс...

Внезапно мне стало жаль девчонку, которая пошла по кривой дорожке в том числе из-за того, что надо помочь больному брату. Но не стоило упускать из виду и мои интересы.

– Так где живет этот Тимоти С. Шмидт? – спросил я, на что Таня ответила:

– Вообще-то не здесь, а совсем в другом месте. Туда мы сейчас и отправимся. Память у меня фотографическая, и я запомнила адрес, указанный на пакете...

Понадобилось около сорока пяти минут, чтобы добраться до Коллинз-авеню, тянувшейся вдоль океана. Судя по всему, означенный Тимоти не нуждался в деньгах. Шофер высадил нас перед искомым особняком, я расплатился и вышел вслед за Таней. Я хотел было направиться к двери, но девица потащила меня по дорожке к соседнему дому.

– Дядя Вася, ты что? – зашептала она. – Разве не видишь, что здесь побывала полиция?

И в самом деле, присмотревшись, я увидел, что веранда особняка Тимоти С. Шмидта обвита желтыми лентами, которыми полиция обычно огораживает место преступления.

– Похоже, Тимоти тоже не повезло, – заключил я. – Но что здесь произошло?

Узнать это было легко. Я предложил использовать все тот же трюк, который задействовал, когда был в гостях у родителей Тани. Позвонив в соседний особняк, мы наткнулись на пожилую даму, оказавшуюся весьма разговорчивой. Мы представились репортерами, и она тотчас предложила нам выпить кофе. Наслаждаясь вкусным напитком и поглощая кексы, мы узнали о том, как позавчера скончался мистер Тимоти С. Шмидт.

Миссис Харпер, снабжавшая нас кексами и информацией, была местной сплетницей. С первым мужем она развелась, второй ее бросил, третий скончался от инсульта шесть лет назад, дети выросли и разъехались по стране, внуки же вообще работали за границей, вот миссис Харпер и не оставалось ничего другого, как скрашивать свой досуг слезкой за соседями, сбором компромата и обнародованием грязных историй. Миссис Харпер знала все и обо всех. Она поведала к нам, к примеру, что у миссис Токье имеется любовник, который приезжает к ней во вторник, среду и четверг, как только муж отбывает на работу, что почтальон Гиббс читает чужие письма и ворует корреспонденцию, а сын четы Лоуз курит марихуану. Так могло бы продолжаться до бесконечности, но мы-то с Таней хотели знать подробности смерти Тимоти С. Шмидта, поэтому сконцентрировали внимание болтливой дамы на его персоне.

Вначале мы узнали, что человеком он был неприятным (впрочем, по мнению миссис Харпер, приятных людей среди ее соседей не имелось и в помине), работал когда-то журналистом, однако ему пришлось покинуть газету по причине какого-то скандала: кажется, он опубликовал интервью с Вупи Голдберг, хотя на самом деле никогда с актрисой не беседовал. Но увольнение не сказалось негативно на благосостоянии Тимоти – он сделался автором разоблачительных книжек.

Теперь я вспомнил, где слышал это имя, – помнится, как-то Филипп жаловался мне, что некий полусумасшедший репортер из Флориды заваливает его всякими сенсационными фактами, утверждая, что ему известны подробности крушения корабля пришельцев в Нью-Мексико в 1947-м или у него имеются железные доказательства того, что высадки на Луне в 1969 году не было, а все действие было срежиссировано и снято в Голливуде. Филипп получал

кучу подобной корреспонденции, но Тимоти превзошел всех и вся. Мой друг даже подумывал о том, чтобы через суд запретить новоявленному инвeстигатору, явно завидовавшему таланту Филиппа, заваливать его письмами и предложениями о совместном написании новой книги.

Тимоти в самом деле что-то кропал. Сляпанная им мура быстро распродавалась (все-гда найдутся простаки, верящие в любую теорию заговора) и приносила ему кое-какой доход, конечно, далеко не сопоставимый с многомиллионными гонорарами Карлайла.

Больше всего миссис Харпер возмущало то, что Шмидт никогда с ней не здоровался, а также разговорчивая дама по секрету сообщила нам, что как-то рано утром, сидя с биноклем морского пехотинца у себя в мезонине и обозревая окрестности, она видела, как Тимоти, выезжая, случайно задавил кота семейства Пальмер, а затем просто завернул несчастное животное в грязную тряпку и выбросил в мусорный бак. Пальмеры потом больше месяца искали своего любимого кота, расклеивали объявления по всему кварталу, предлагали вознаграждение, а Шмидту было наплевать на страдания несчастных хозяев еще более несчастного кота. Поэтому, как считала миссис Харпер, Шмидта постигла заслуженная кара: он был убит.

Сама она – увы, увы! – не видела, как сие случилось, потому что произошло убийство не в доме Тимоти, а около расположенного в двух кварталах отсюда торгового центра. Зато миссис Харпер видела, как в его доме копошились убийцы! Сначала она приняла двух людей, прибывших на черном джипе, за полицейских или агентов ФБР (кто знает, чего можно было ожидать от убийцы кота – он ведь мог быть и торговцем кокаином, и растлителем малолетних). Они, не таясь, прошли в дом, провели там около получаса и скрылись, прихватив компьютер Тимоти и два ящика с бумагами. Только потом стало ясно, что жилище убитого посетили самозванцы, а никакие не полицейские и санкции на обыск у них не было. Но вскрылось это много позже, когда прибыла настоящая полиция, чтобы осмотреть дом Тимоти, которого кто-то сбил на автомобиле, когда бывший журналист выходил из торгового центра. Свидетели утверждали, что наезд совершил черный джип с тонированными стеклами, который, сбив Тимоти, дал задний ход и затем еще раз проехался по нему, видимо, чтобы наверняка убить Шмидта. Два человека, пораженные подобной беспардонностью, запомнили номера, но их информация ни к чему не привела – как стало известно, номера были украдены несколько лет назад в штате Айова.

– И мистер Шмидт умер так же, как и бедный котик, под колесами автомобиля, – заявила злорадная старуха. – Мистеру Шмидту повезло, что его еще не выбросили в мусорный бак. Все же есть в мире высшая справедливость!

Насчет последнего я с кровожадной соседкой погибшего спорить не стал. Мы с Таней переглянулись – вновь черный джип. Конечно, не исключено, что совпадение, не исключено, что здесь использовался совершенно другой джип, но кто знает! Номера того, на котором приехали убийцы Филиппа и Джинджер, были правительственные, а у джипа, который переехал Тимоти С. Шмидта, – похищенные у какого-то фермера в Айове. Но это может только означать, что убийцы блюли конспирацию – навещая ночью пустой, как они полагали, особняк Филиппа, не стали менять номера, а давая посреди бела дня и в присутствии множества свидетелей Тимоти в Майами, привинтили украденные загодя.

Миссис Харпер все подкладывала нам кексы и интересовалась тем, покажут ли ее по телевизору, и я заверил, что непременно, и даже намекнул, мол, ее пригласят в прямой эфир, отчего старушка расцвела, как водосбор. Затем она притащила большую папку, в которой покоилась гора вырезок – миссис Харпер собирала свое досье на каждого из соседей. Показала она и статьи, посвященные гибели Тимоти. Мы с Таней их внимательно изучили, поблагодарили миссис Харпер и, заверив, что в ближайшие дни ей перезвонят по поводу прямого эфира, удалились.

– Дядя Вася, тебе ведь тоже бросилось в глаза то, что и мне? – спросила Таня. – Почтовая вывеска среди прочих на фронтоне торгового центра?

– Да, – кивнул я. – Не удивлюсь, если Тимоти отправил именно оттуда письмо-пакет, позднее похищенный, Филиппу Карлайлу. Но почему он не переправил документы по Интернету? Ведь намного же проще и быстрее.

– Думаю, потому что обычная почта надежнее, – заметила Таня. – Письмо по Интернету могут перехватить или выудить из ящика электронной почты любопытные. С обычной почтой намного сложнее – как отыскать нужное письмо среди десятков миллионов ему подобных?

– Да, если мне надо переслать что-то важное, я всегда пользуюсь услугами обычной почты, – согласился я. – Ведь человек, получив несколько огромных файлов-приложений по Интернету, может лениться открыть и прочитать их все, и совсем другое дело, если по обычной почте приходит пакет с фотографиями, которые можно рассмотреть и подержать в руках! Вопрос в том, откуда они узнали, что Тимоти послал пакет именно Филиппу.

– Секретная служба изъяла его компьютер и бумаги, а там наверняка имелся черновик письма к мистеру Карлайлу. А после агенты решили наведаться на виллу к знаменитому журналисту, – сказала Таня.

И я подумал: а девчонка-то с головой – недаром была чемпионкой по шахматам среди юниоров!

– Интересно знать, что же они искали... – протянул я.

Мы снова переглянулись. И Таня наморщила носик:

– Дядя Вася, я на это не пойду. Дом опечатан полицией...

– Тогда мне придется идти туда одному, и я наверняка попадусь, – заметил я жестоко. – В таком случае не могу обещать, что смогу оплатить лечение твоего брата, – мне придется здорово потратиться на адвоката!

Таня тяжело вздохнула:

– Но что нам делать в доме Тимоти? Ведь сначала там побывали убийцы, затем полиция, все ценное давно нашли и вынесли...

– Ну, насчет последнего я вовсе не уверен, – возразил я. – Так что осмотреть особняк покойного журналиста, который, как и кот семейства Пальмер, погиб под колесами автомобиля, считаю просто необходимым.

Таня

И мне пришлось согласиться с доводами дяди Васи. И убийцы, и полиция могли посмотреть что-то, и это что-то может оказаться перспективным следом. Да и, честно говоря, мне не хотелось отступить – дело становилось все более запутанным. И все более кровавым. Были убиты три человека, и все ради какого-то пакета с бумагами. Причем киллеры не останавливались перед физическим устранением случайных свидетелей, а это значило: если мы попадем им в лапы, то и дядю Васю, и меня тотчас ликвидируют.

– Ладно, – заявила я ему, – как говорится, трем смертям не бывать, а одной не миновать!

– Двум смертям! – не преминул внести поправку дядя Вася.

Меня порядком достал его менторский тон, но мужик он вроде бы неплохой, к тому же с обширными связями и жутко богатый. Сначала поможет мне вылечить Сашку, потом разобратся в этом деле, где не последнюю роль играет телохранитель президентши Кэтти, а потом сведет меня со своими знакомыми, некоторых из коих можно будет (и даже нужно) «пощипать».

Дядя Вася хотел ввалиться в особняк покойного Тимоти С. Шмидта, разбив стекло на веранде, но я сказала ему, что надо действовать более изящно. Пришлось смотаться в отель, где знаменитый писатель и нобелевский лауреат передал мне инструменты, потеря которых меня очень огорчила. Еще бы, ведь они сделаны на заказ, да и стоили не одну тысячу! Теперь же я была в полной боевой готовности.

Обычно считают, что воры проникают в чужие жилища вечером или ночью, и отчасти это верно. Однако я сказала, что жилище журналиста мы должны посетить при свете солнца – мне не хотелось ночью шарить по дому, в котором обитал Тимоти, теперь мертвый. О привидениях я уже как-то упоминала, да и среди воров не принято залезать в дома, хозяин которых недавно скончался, – плохая примета. Дело, в которое я вляпалась, было и без того отвратительным, однако накликать еще большую беду у меня не имелось желания.

Я долго пыталась убедить дядю Васю в том, что ему стоит остаться в отеле, мол, я и сама справлюсь с миссией. Но то ли он до конца мне не доверял, то ли хотел пощекотать себе нервы, но старикан ни за что не сдавался – желал участвовать в налете, и все тут! С напарниками я работала, но недолго, так что имела возможность убедиться – они только мешают и путаются под ногами. Переубедить упрямого писателя не представлялось возможным, поэтому мне пришлось согласиться с его планом.

Итак, мы снова направились к дому Тимоти. Зная, что вездесущая миссис Харпер с биноклем морского пехотинца в руках, возможно, ведет наблюдение за происходящим на улице, устроившись в стратегически удобной точке, мы подошли к дому Тимоти со стороны соседней улицы. На нас никто не обратил внимания. Дядя Вася чрезвычайно боялся, я видела, хотя и старался не подавать виду. Постоянно давал мне наставления и советы, и меня это раздражало. В конце концов, кто у нас босс! Я совершила множество ограблений, вскрыла кучу сейфов, а он кто такой? Ну, написал какие-то книжки, ну, получил Нобелевскую премию, и что с того?

Замок на двери черного хода был на удивление простым и хлипким. Можно было даже не ездить в отель за инструментами – такой я способна вскрыть при помощи заколки для волос. Дверь взвизгнула, отворившись, и мы вступили в полутемный коридор. Интересно, что будет, если нас схватят? Навесят порядочный срок, что ж еще! Дядя Вася выкрутится, он богатый и знаменитый, а я загремлю по полной программе.

Впрочем, откуда полиции узнать, что мы здесь? На руках у нас перчатки, долго задерживаться в доме мы не собирались. Только как найти то, о чем ты не имеешь ни малейшего представления?

Сразу было видно, что в доме поработали профессионалы – сначала убийцы, затем полицейские. Следы произведенного обыска, причем тщательного, бросались в глаза. Пол кухни был усеян осколками разбитой посуды, под ногами скрипели чечевица, сахар, макароны. Навесные ящички были сорваны со стен. В других комнатах тоже царил бардак – разбросаны книги, листы рукописи, одежда вывалена из шкафов, в стенах дырки. Более всего меня заинтересовал сейф в кабинете – модель шестидесятых годов и к тому же с идиотским часовым механизмом. Он был пуст – кто-то вскрыл дверцы при помощи переносного сварочного аппарата.

– Здесь что-то искали, причем чрезвычайно упорно, – заметил вполголоса дядя Вася, хотя в доме никого, кроме нас, не было и говорить громко можно было без опаски. Но, видимо, сказывалось почтение к умершему. Да и атмосфера здесь странная, мне все время казалось, что кто-то за нами наблюдает.

– Спрашивается только, что именно, – откликнулась я, подбирая с пола нижнее белье Тимоти. Трусы у него были застиранные и в дырках. Вот тебе и журналист, раскрывающий тайны Белого дома!

Мы разделились – я осталась на первом этаже, дядя Вася отправился на второй, заявив, что искать нам надо бумаги. Но сказать всегда легче, чем сделать. Бумаг в доме было великое множество, не перечитывать же каждый лист из многих сотен! Да и нельзя забывать о том, что здесь похозяйничали бандиты, а затем полиция.

Не найдя ничего интересного (хотя я понятия не имела, что нам требуется), я поднялась на второй этаж. Дядя Вася копошился в обширной коллекции видеокассет и компакт-дисков, большую часть которых составляли сомнительные шедевры порноискусства, дешевые триллеры и фильмы ужасов. Он методично открывал каждую коробку и заглядывал в нее.

– Мне подумалось: что, если Тимоти записал информацию на диск и спрятал его среди всякого кинохлама? – пояснил свои действия дядя Вася.

Я сказала, что это дебильное предположение, а писатель, подняв к потолку указательный палец, начал вещать:

– Таня, милая, вы, видимо, не читали новеллу Эдгара По «Украденное письмо». Нечто ценное проще всего спрятать не в укромном тайнике, а открыто положить у всех на виду, предварительно замаскировав...

Ну, начинается! Дядя Вася, как я уже поняла, обожает корчить из себя великого литератора. Впрочем, профессия неплохая. Одна только Нобелевская премия принесла ему сразу целый миллион, да еще книжки, продаваемые по всему миру, обеспечивают безбедное существование. А мне приходится гнуть спину, работать в поте лица, бегать от полиции, а теперь еще и от наемных убийц. Кстати, а что, если изложить свои приключения на бумаге? Дядя Вася подсобил бы, и вышел бы бестселлер!

Что-то бормоча, писатель продолжал методично выковыривать диски и зачем-то рассматривать их на свет. Я заметила, что так он никогда не установит, что на них записано – порнофильм или некие секретные сведения. Наконец он со мной согласился и отшвырнул диск. Потом вздохнул:

– Получается, здесь нам больше делать нечего, так как найти нужное не представляется возможным? О, мы же забыли о ванной! И о подвале!

Последующий час с лишним мы обследовали эти два места, но ничего занимательного так и не обнаружили. Я прокляла Тимоти С. и пожелала ему на том свете попасть на самую горячую сковородку. В том, что журналист угодит в ад, я не сомневалась – еще бы, ведь на его совести несчастный кот!

Дядя Вася приуныл, да и я, признаюсь, немного скисла. Но чего мы, собственно, ожидали – наткнуться на лежащий под туалетным ковриком пакет, перетянутый бечевкой и запечатанный сургучом, к которому приложена записка: «Тайны XX века»?

Не оставалось ничего другого, как признать поражение и ретироваться. Мы покинули особняк через ту же дверь, что и вошли. Дядя Вася бормотал что-то о тайнике под землей, о том, что хорошо бы простучать все плитки в ванной и осмотреть пол со стенами в подвале, ведь там может быть еще один сейф, но я ответила ему, что в таком случае нам придется остаться в особняке Тимоти на годик-другой: в нем имелось не меньше трех тысяч мест, в которых можно спрятать таинственные документы, если таковые, конечно, вообще существовали.

– И вообще, на месте журналиста я бы хранила документы не дома, а в банке. Сняла бы там ячейку, запихнула бы туда компромат и спала бы спокойно, – сказала я. – Потому что в банк киллеры ни за что не проникнут! Хотя если очень постараются, то, конечно, смогут, но слишком уж это опасно...

Мы брели по улице, и я болтала, пытаюсь утешить повесившего голову дядю Васю. Ну да, он ведь старался отыскать людей, застреливших его любовницу. Да и мне нечему было радоваться – вдруг писатель передумает и не станет оплачивать лечение Сашки? Что бы такое сообразить? Но в голову ничего путного не приходило.

Внезапно дядя Вася что-то вскрикнул и ткнул пальцем на противоположную сторону улицы. Я, ничего не понимая, уставилась в указанном направлении, ожидая, что узрею киллеров на черном джипе, но там, конечно же, их не было. Только парочка детишек, а также пожилая чета. Ну что интересного? Обыкновенная семейная идиллия.

– Почтальон! – выдохнул дядя Вася. – Почта и почтовый ящик!

Да, на другой стороне улицы в самом деле находился почтальон, тощий тип, открывавший как раз чей-то почтовый ящик и засовывавший туда письма. Не тот ли, кстати, самый Гиббс, который любит просматривать чужую корреспонденцию?

– Вспомните, Танюша, где был Тимоти непосредственно до того, как его убили! – пропел дядя Вася. – По всей видимости, на почте. Оттуда он отправил пакет Филиппу Карлайлу. А раз он так сделал, то, вероятно, знал, что за ним следят.

Что-то щелкнуло в моей голове, и я сказала:

– А раз он знал об этом, то постарался избавиться от документов. Отослал их по почте!

– Да, но кому? Своим родителям, родственникам или друзьям? – приуныл дядя Вася. – Или любовнице? Не можем же мы посетить их всех, черт побери!

Я посмотрела в спину уходящему почтальону и ответила:

– А ведь ваш, как его, Эдгар По был прав – лучше всего спрятать ценную вещь на виду. А письмо лучше всего послать не троюродной тетушке в другом штате, а самому себе! Тимоти умирать не собирался, он думал, что его дом обыщут, ничего не найдут – и его оставят в покое. Поэтому надо было на время избавиться от документов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.